

ПАВЕЛЬ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ИГРИВЫЙ

Повѣсть

Въ небольшой комнатѣ было два стола — одинъ такъ называемый ломберный, складной, очень—ветхій, другой сосновый, который нѣкогда быль выкрашенъ голубой краской, затѣмъ бѣлой и наконецъ красной, и потому на вытертыхъ углахъ и лысинахъ стола видны были всѣ три слоя краски. Еще стояло тутъ семь стульевъ — пара очень—затасканныхъ, оплетенныхъ осокой, пара вовсе деревянныхъ, какъ—будто дружки сосновому столу, но одинъ быль облеченъ въ первоначальную масть этого стола, то—есть голубой, а другой по—видимому принялъ участіе во второмъ переворотѣ и одѣлся въ бѣлую сорочку; пара тяжеловатыхъ кресель неизвѣстнаго склада и масти, одѣтыя издавна пестрядевыми чехлами, видимо состояли въ близкомъ родствѣ съ такимъ же раскидистымъ диваномъ; подушка седьмаго стула, наконецъ,

если разсмотретьъ ее тщательно, показывала, что была когда–то вышита шелками по сукну или казимиру неопределенного цвета; но все это давно поблекло, полиняло, шелкъ мѣстами вовсе повытерся, казимиръ посылся. Въ комнатѣ стоять еще перекосившійся шкафъ, доживавшій вѣкъ свой пузатый коммодъ, горка съ трубками, величиною съ гаркушинъ курганъ — а стѣны были увѣшаны нѣсколькими старообразными ружьями и другими отставными охотничими припасами, а также старосвѣтскими картинами въ красныхъ узенькихъ рамочкахъ.

На диванѣ лежалъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, рослый, плотный, видный, въ весьма поношенномъ халатѣ; онъ читалъ какую–то истасканную книжонку, или по–крайней–мѣрѣ держалъ ее въ рукахъ, и сосаль погасшую трубку. Среди пола лежалъ въ растяжку большой лягавый песъ, ворчалъ и лаяль про себя вснѣ.

Павель Алексѣевичъ Игривый, — такъ звали этого барина, — оглянулся съ улыбкой на своего любимца, потянуль опять трубку и, замѣтивъ

наконецъ, что она погасла, закричалъ: «Эй, Ванька!» Иванъ вошелъ, не говоря ни слова, подалъ барину на смѣну другую трубку, а по-кйничу унесъ для дарованія ей новой жизни, то—есть, для чистки и набивки.

Много пять минутъ продлилось молчаніе, прерванное нѣсколькими вздохами и зѣвками барина и безсловесными возгласами его любимца, какъ опять раздалось: «Эй, трубку!..» По третьему подобному призыву своему, однакоже, помѣщикъ нашъ всталъ, потянулся, спросилъ у Ваньки: «а что, рано еще?» И узнавъ, къ своему удовольствію, что уже не такъ рано, а часъ девятый, рѣшилъ, что пора спать, и пошелъ въ сосѣднюю почивальню. Ванька послѣдовалъ за нимъ. Здѣсь мёбель ни въ чемъ не уступала кабинетной: односпальная кровать о двухъ тюфякахъ и двухъ перинахъ, съ цѣлой копной подушекъ и безсмѣнными на вѣчныя времена занавѣсками, стояла во всей готовности для приема въ нѣдра свои хозяина.

— Ну, братъ Ванька, сказалъ онъ: — коли такъ, отойдемъ, помолившись, ко сну. Ты

раздѣнь и разуй меня, уложи меня, накрой меня, подоткни меня, переверни меня, перекрести меня — а тамъ, поди, усну я самъ.

— Да никакъ, сударь, сказалъ Ванька: — и дворня—то вся спить безъ просыпу. Хоть бы приказали собраться да волковъ попугать; вѣдь вотъ вечеръ телку зарѣзали у Карпова, того гляди, робять обижать станутъ. Бывало вы, сударь, охотились сами.

— Э, бывало! Было да быльемъ поросло. Пожалуй, соберитесь на—дняхъ, да поохотьтесь—себѣ.

— То—то сударь, холостому человѣку все не въ охоту; хоть бы, сударь, невѣсту себѣ выбрали, да женились, и мужики всѣ жалѣютъ объ васъ.

Баринъ захохоталъ.

— Эка вѣ—время собирались пожалѣть! Нѣть, братъ, ужъ мои невѣсты чай давно на томъ свѣтѣ козловъ пасутъ... Эка забота моимъ мужикамъ! Ну, видно жъ, имъ не о чемъ больше тужить: по грибы не часъ, и по ягоды нѣть — такъ хоть по еловы шишки.

— А что жь, сударь, и вѣстимо что такъ: они за вашею милостію живуть захребетниками и не тужать, а вамъ такъ вотъ видно скучно; была бы хозяйка...

— А зови—тка, ради скуки, Меледу съ по-нукалкой, такъ вотъ и уснемъ подъ шумокъ и размыкаемъ горе.

Меледой прозвали сказочника Гаврюшку, своего, доморощенного поварского помощника, который въ четыре года не могъ выучиться готовить простыхъ щей съ забѣлкой, отговариваясь тѣмъ, что все нощи на пролеть сказываетъ барину сказку, и потому днемъ долженъ спать, вслѣдствіе чего—де и учиться нѣкогда, да и проспалъ память. Меледа вошелъ разутый и полураздѣтый, принесъ, по обычаю, подъ мышкой одръ свой — войлокъ и подушонку, постлалъ его въ ногахъ у барской кровати, присѣль на него почесываясь и ждалъ барского «ну». Въ то же время вошелъ въ комнату еще другой человѣкъ, одѣтый и обутый, но съ такой дурацкой рожей, что посторонній не могъ бы взглянуть на него безъ смѣха. Онъ стала спокойно у

дверей, сложилъ руки, выставилъ одну ногу и принялъ зѣвать, будто по заказу, растворяя пасть какъ широкія ворота, и поднося то ту, то другую руку къ бородѣ и растопыривая всѣ пять пальцевъ. Лицо это было извѣстно въ домѣ подъ должностнымъ званіемъ *по нука лки*, а Меледа называлъ его обыкновенно дармоѣдомъ и надоѣдалой. Это была также ночная птица, для потѣхи барина; обязанность его состояла въ томъ, чтобы не давать уснуть преждевременно сказочнику и понукать его, если тотъ задумается или запнется. Когда одинъ изъ пріятелей Павла Алексѣевича спросилъ его, глядя на эту знаменитость, откуда онъ досталъ такого урода, и свой ли онъ, то Павель Алексѣевичъ отвѣчалъ: «Нѣть, это наемный, проскуровскій мѣщанинъ, я плачу ему по четыре цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, да отпускаю еще мѣсячину. Свой на это дѣло не годится, самъ первый уснетъ, напередъ сказочника, — тогда что я съ нимъ стану дѣлать, браниться да драться? нѣть, этого я не люблю. А этотъ боится, знаетъ, что сгоню со двора, коли не хо-

рошо служить станетъ, такъ онъ и держить ухо остро. Притомъ, и я къ нему привыкъ: не могу глядѣть на него, чтобъ не стало клонить ко сну, а какъ растворить ворота, да зѣвнетъ — такъ тутъ и я уснуль.»

Когда все это устроилось въ порядкѣ, и оба должностныя лица заняли свои мѣста, Павель Алексѣевичъ покряхтѣлъ, пото́мъ вздохнулъ, тамъ зѣвнуль и промычаль: «ну». Сказочникъ началь покрякивать, а понукалка пріосанился и съ этой минуты вступилъ въ свою должность. Командное словечко «ну» развязывало и ему самому языкъ на это же коротенькое словцо и давало ему власть понукать соннаго сказочника. Этотъ началь очень—плавно и бойко, мололь съ четверть часа безостановочно, а тамъ забормотать менѣе—внятно и захотѣль перевести духъ. «Ну» началь его пришпоривать понукалка, у котораго также слипались глаза, но который не смѣль прилечь, чтобъ не заснуть, и все стояль на своеемъ мѣстѣ. — «Ну»... Меледа крякнулъ и продолжалъ:

— На томъ на морѣ на окіянѣ, на островѣ на буянѣ, стояла береза золотые сучья, на тѣхъ на сучьяхъ яблочки серебряныя, въ нихъ зернышки граненый алмазъ...

— Ну, началь опять отъ скуки понукалка, покачиваясь и не слушая, впрочемъ, говорить ли тотъ сказку, или дремлеть.

— Стояла корова золотые рога: на одномъ рогу баня, на другомъ котель: есть гдѣ помыться, попариться...

— Ну...

— Ну, да ну; чего ты нукаешь?

— Да виши ты не бойко говоришь, дремлешь...

— Самъ ты дремлешь, дармоѣдъ; гляди: затылкомъ двери пробиль; а я не дремлю... На томъ на островѣ текутъ рѣчки медвяныя, сытovyя, берега кисельные; дѣвка выйдетъ, ударить коромысломъ, черпнетъ однимъ концомъ — зачерпнетъ два красна холста; черпнетъ другимъ...

Туть Павель Алексѣевичъ всхрапнулъ довольно-внятно и несомнительно; сказочникъ,

сидя на полу и обнявъ руками колѣни, понуриль на нихъ голову и замолкъ, а понукалка не счелъ уже нужнымъ его тревожить и, постоявъ еще немного, вышелъ въ сосѣднюю комнату и тамъ прилегъ.

Часу въ седьмомъ утра, Павель Алексѣевичъ проснулся, и все въ домѣ зашевелилось. Обувшись въ бараны сапожки, домашней выдѣлки, и въ халатъ свой, онъ умылся, помолился и стала совѣтоваться съ Ванькой, чего бы напиться сегодня: малины ли, бузины ли, шалфею, липового цвѣта, кипрею, ивана-да-марыи, ромашки съ ландышами, или ужь заварить настоящаго чаю? и Ванька разсудиль, что бузина пьется на ночь для испарины, малина послѣ бани, шалфей въ дурную погоду, липовый цвѣть со свѣжими сотами, иванъ-да-марья и ромашка, когда неможется, кипрей, то-есть, копорскій или иванъ-чай, по нуждѣ, за недостаткомъ лучшаго, и потому полагаль заварить сегодня настоящаго, китайскаго чаю, что и было исполнено. Отъ чая сдѣланъ быль незамѣтный переходъ къ завтраку; а между-тѣмъ, староста,

мельникъ, скотница и другіе сельскіе сановники отбывали доклады свои и получали приказанія. По-временамъ книжка будто невзначай опять попадала въ руки Павла Алексѣвича, но вскорѣ другія занятія развлекали его, и вѣковѣчна книжка оборачивалась корешкомъ кверху. Не успѣли оглянуться, какъ Иванъ подалъ щи, кашу да жаркое; тамъ оказалось полезнымъ отдохнуть часика два; тамъ Павель Алексѣвичъ прошелся по хозяйству и по саду, напился липового цвѣта съ сотами, разобралъ нѣсколько ссоръ и жалобъ, отдалъ приказанія на завтрашній день, освѣдомился, не рано ли, и услышавъ, что девятый, поспѣшилъ перекусить немногого, помолился, легъ, и Меледа съ понукалкой явились снова тѣмъ же порядкомъ, какъ и вчера.

Вотъ ежедневный бытъ, буднишняя жизнь Павла Алексѣвича. По праздникамъ онъ облачался въ сюртукъ бураго или кофейного цвѣта, выпускалъ бѣлый воротничокъ, бралъ соломенную шляпу или полу теплую фуражку, смотря по погодѣ, трость и бѣлые перчатки, которыя,

впрочемъ, никогда не надѣвались, и отправлялъ ся въ церковь, бывшую у него же на селѣ. Иногда, хотя довольно—рѣдко, кто—нибудь заѣзжалъ къ нему; еще рѣже онъ бывалъ у другихъ; но настоящимъ праздникомъ для него былъ тотъ почтовый день, въ который гонецъ привозилъ ему изъ города письмо. Такое письмо, казалось, одно только привязывало его всей душой къ жизни; Павель Алексѣевичъ оживалъ, быть въ тотъ день дѣятельнѣе и веселѣе, и, прочитавъ письмо разъ—другой про себя, перечитывалъ его еще Ванькѣ и одной дворовой женщинѣ, известной въ домѣ подъ названіемъ мамушки.

Что же читатели скажутъ о Павлѣ Алексѣевичѣ, о бытѣ его и родѣ жизни, которую мы старались изобразить точно и вѣрно? Я думаю, что иной, можетъ—быть, и вовсе незлобный столичный житель готовъ будетъ, съ чувствомъ собственного достоинства, пожать плечами и назвать его животнымъ; можетъ—быть, даже и самый снисходительный приговоръ будетъ еще довольно—жестокъ для скромнаго

деревенского жителя и не избавить его отъ со-
страдательного презрѣнія. Но всегда ли наруж-
ность достаточно изобличаетъ внутреннюю
цѣнность человѣка? почему знать, что
помѣщикъ нашъ передумалъ и перечувствовалъ
на вѣку своею, не взирая на безчувственную,
довольно-плоскую и безсмысленную наруж-
ность?

Лѣтъ тому двадцать-пять, въ сельцѣ Под-
стойномъ, помѣщичья семья сидѣла за вечер-
нимъ самоваромъ и съ нетерпѣніемъ ждала ко-
го-то. Живой и плотный, бѣлокурый стариkъ,
въ долгополомъ домашнемъ сюртукѣ, съ огром-
ными усами, съ большими, но безсмысленными
сѣрыми глазами, съ отставными военными ух-
ватками и молодечествомъ, похаживалъ взадъ и
впередъ, то останавливался у открытаго окна,
глядѣль и прислушивался, то посматривалъ на
стѣнныя часы съ двумя розочками и двумя не-

забудками по угламъ, и наконецъ, продувая трубку свою, сказалъ: «Нѣтъ ужъ видно, я говорю, сегодня не будетъ».

— А, можетъ—быть, и будетъ, замѣтила хозяйка его, заглянувъ въ чайникъ и прибавивъ туда на всякий случай водицы: — вѣдь ему надо быть къ сроку, къ ярмаркѣ; а ужъ онъ, чай, не обманеть, коли обѣщалъ заѣхать къ намъ по пути, да привезти вѣсточку отъ Любashi.

— Ну, загулялся въ Костромѣ, возразилъ стариkъ: — человѣкъ, я говорю, молодой, поѣхалъ въ городъ, да еще съ деньжонками, такъ ему и не до Любashi; она еще ребенокъ.

— Никакъ єдуть—съ, сказалъ вошедъ торопливо слуга, указывая слегка въ ту сторону, откуда ждали гостя.

— Ну, вотъ видишь, проговорила хозяйка съ изъявленіемъ радости, между—тѣмъ, какъ хозяинъ вышелъ на крыльцо, а вслѣдъ за тѣмъ обнялъ желанного вѣстника и при громогласномъ разговорѣ ввелъ его въ комнату.

— Ужъ и ждать было перестали! такъ встрѣтила его хозяйка: — особенно Иванъ Пав-

ловичъ, говорить: видно не будеть; а я все жду—пожду; нѣтъ, говорю, будеть... чайку прикажете съ дороги, или закусить чего?...

— Благодарю, отвѣчаль молодой человѣкъ: — чашечку выпью, но я тороплюсь домой, немножко позамѣшкался, позадержала Любовь Ивановна...

— Какъ, она? не—ужъ—то? голубушка моя! Чѣо жъ, видѣль ее? Что она? не скучаетъ? здорова?... Такъ посыпались вопросы матери.

— Здорова, отвѣчаль тотъ, немного зарумянившись, и шлеть вамъ много поклоновъ и поцалуевъ; я раза три навѣщаль ее.

— Ужъ и поцалуи! сказалъ захочотавъ отецъ: — слышите, чѣо я говорю? я говорю: ужъ и поцалуи; ха, ха, ха!

— На словахъ, разумѣется, возразиль пріѣзжій: — и хотя словесный поцалуй, да еще и передаточный, утѣшителенъ для того только, кому назначенъ, но я принужденъ быль покориться строгости костромскихъ пансіонскихъ правиль, по которымъ не дозволяется даже поцаловать ручку воспитанницы!

— Смотри, пожалуй! стала опять острить отецъ: — дѣти они, дѣти, — а только покинь ихъ безъ присмотра, тотчасъ вотъ по натурѣ своей наколобродятъ... ха, ха, ха! слышите, что я говорю? я говорю: вотъ тотчасъ по натурѣ своей и наколобродятъ.

— Да поразскажите жъ намъ, голубчикъ Павель Алексѣевичъ, что—нибудь о Любашѣ, сказала съ нетерпѣніемъ хозяйка, выручивъ этимъ молодого человѣка изъ замѣшательства, въ которое поставило его безтолковое, но громогласное замѣчаніе Ивана Павловича: — разскажите, что она, моя голубушка, и какъ?

Павель Алексѣевичъ принялъся выхвалять Любашу съ большимъ чувствомъ, и сознаніе, что онъ можетъ и даже обязанъ дѣлать это въ настоящемъ своемъ положеніи, отдавая обѣ ней отчетъ ея родителямъ, доставляло ему большое утѣшеніе. Вскорѣ у матери на глазахъ навернулись слезы, стариkъ стоя наклонился впередъ и подымалъ брови все выше, да выше, какъ—будто прислушивался внимательно, а между—тѣмъ безпрестанно перебивалъ всѣхъ остротами

своими и заставлять выслушивать ихъ по два и по три раза, приговаривая: «а слышите, что́ я говорю? я говорю: ха, ха, ха!»

— Начальница и дамы не нахвалятся ею, продолжалъ Павель Алексѣевичъ: — а вы не нарадуетесь, когда свидитесь. Она выросла, уже почти—совсѣмъ сложилась...

— Охъ, Боже мой, сказала мать, всплеснувъ руками: — въ эти годы, можно ли?

— А что́ жь, матушка? замѣтилъ отецъ: — вѣдь и ты по шестнадцатому году за меня вышла, вспомни!

— И то правда, отвѣчала она, сосчитавъ что—то по пальцамъ: — да вѣдь она ребенокъ еще, видить Богъ, ребенокъ...

— Ну, ребенокъ, заревѣль Иванъ Павловичъ, позабывъ, что онъ самъ сейчасъ называлъ дочь ребенкомъ: — ну, такой же ребенокъ, какъ и ты! ха, ха, ха! Слышите, что́ я говорю!

— Какъ, мать такой же ребенокъ, какъ и дочь?

— Ну, да, матушка, да вѣдь я говорю о прошломъ, я говорю...

— Да, о прошломъ! Охъ, разумѣется, всѣ мы были праведными младенцами...

Расторопный слуга вошелъ и спросилъ робко у барина, не будетъ ли какихъ приказаній на счетъ чего-нибудь, и при этомъ покосился какъ-то странно на гостя. Это значило: кучерь гостя ужинаетъ, такъ не напоить ли его пьянымъ, чтобы барина задержать, по обычаю, на ночь, или ужъ не снять ли на всякий случай у брички колесо? На этотъ разъ подобныхъ распоряженій не послѣдовало: хозяинъ зналъ, что гостю надо быть дома къ сроку иѣхать на ярмарку, и потому, послѣ долгихъ прощаній, благодареній, дружескихъ приглашеній и благословеній, его благополучно отпустили.

— А о косѣ—то я и позабыла спросить! ахнула старушка, когда бричка покатилась со двора, и кинулась—было къ окну, но опоздала: — сама Любаша ничего толкомъ не напишетъ... такой вѣтеръ! а я и не знаю, выросла ли у нея коса—то, хоть бы вотъ четверти вѣтри?

— Выросла, матушка, утѣшаль ее отецъ: — слышишь; сложилась дѣвка совсѣмъ. Ха, ха, ха! и выросла и сложилась!

Скажемъ теперь, проводивъ Павла Алексѣевича, что это былъ сосѣдъ въ шести верстахъ отъ старика Ивана Павловича Гонобѣля и супруги его Анны Алексѣевны, къ которымъ мы сейчасъ заглянули. Мы были тамъ невидимками, и потому съ нашей брички также колесь не сняли: но рѣдкому гостю удавалось выѣхать изъ сельца Подстойнаго безъ этой продѣлки.

Павель Алексѣевичъ Игривый, полный хозяинъ хорошенъкаго имѣнья, Алексѣевки, возвратился года за полтора изъ университета, не кончивъ курса, для приема имѣнія своего по случаю внезапной смерти отца, и взялся за хозяйство. Онъ съѣздилъ теперь по своимъ дѣламъ въ Кострому и привезъ любезнымъ сосѣдямъ вѣсть о дочери ихъ, которая, какъ мы слышали, оканчивала свой учебный курсъ въ частномъ пансіонѣ, названномъ на вывѣскѣ, не знаю почему, *Обра зи о вымъ*.

Полчаса, которые Игривый ъхалъ отъ Подстойнаго до Алексѣвки, прошло въ такомъ же точно сладостномъ забытии и безсвязныхъ, розовыхъ мечтахъ, какъ все время пути отъ Костромы до Подстойнаго. Павель Алексѣевичъ думалъ о томъ, что Иванъ Павловичъ правъ, и Любаша вовсе не дитя, какъ полагала Анна Алексѣевна; что самъ онъ сказалъ истинную правду относительно строгости пансионскихъ учрежденій и одной только словесной передачи поцалуя, хотя въ сущности такое задушевное, заповѣдное рукопожатіе, какимъ онъ могъ похвалиться, едва-ли не перевѣсить иного необдуманнаго, легкомысленнаго поцалуя; что, наконецъ, Любаша неизъяснимо-мила, не смотря на свой возрастъ отроковицы... Вотъ сущность мечтаній Игриваго, который не скучалъ перебирать думу эту со всѣхъ концовъ, разыгрывать ее на всѣ лады и тѣшиться ею на просторѣ. Обстоятельства не позволили ему кончить университетскаго ученья и заслужить ученую степень; но онъ твердо намѣревался сдѣлать это при первой возможности, приведя дѣла свои въ

порядокъ, съ нетерпѣніемъ разсчитывать и со-
образжалъ онъ теперь что-то по годамъ и
мѣсяцамъ и заглядывалъ въ будущую судьбу
свою гораздо-далѣе впередъ, чѣмъ это намъ
дозволено.

Годикъ прошелъ незамѣтно; въ Подстойномъ
и въ Алексѣвкѣ все оставалось по старому, съ
тою только разницею, что Игривый, соскучась
безъ Костромы, къ-частію, вскорѣ опять на-
шелъ необходимымъ съѣздить туда, по своимъ
дѣламъ, и опять привезъ много поклоновъ отъ
Любashi; а затѣмъ, наконецъ, нынѣ событие не-
обычайное было на-мази въ Подстойномъ: Го-
нобобель съ хозяйкой снаряжались въ путь—
дороженьку, все въ ту же Кострому и притомъ
уже за своей Любашей. Она окончила свое об-
разцовое пансіонское ученье. Отъ суеты и кри-
ка Ивана Павловича вся дворня стояла все-
нощную уже семеры сутки сряду; дорожный
рыдванъ выкатывали на широкій дворъ и опять
подкатывали въ сарай разъ по пяти на день.
Хозяинъ самъ ничего не смазывалъ и не увязы-
валъ, но ходилъ день—деньской въ дегтя и въ

смолъ и не выпускалъ изъ рукъ какой–то толстой бичевки. Всѣ приказанія его отдавались дважды и трижды въ одинъ духъ, съ сильнымъ удареніемъ на «я говорю»; но одна часть приказаній этихъ была уже исполнена наканунѣ, а другая до того противорѣчила первымъ, или даже самому здравому смыслу, что «сейчасъ» и «слушаю–сь» вырывались изъ усть прислути только по исконному обычаю, а вовсе не для того, чтобы кто–нибудь думалъ объ исполненіи. Анна Алексѣевна переправлялась по нѣсколько разъ въ день изъ заднихъ покоевъ въ сарай съ нѣсколькоими попутчиками изъ дѣвичьей: всѣ онѣ были навьючены и нагружены, какъ верблюды, и вся поклажа эта, большею частію съѣстные припасы, укладывалась тихомолкомъ въ рыданъ.

— Половину этого Иванъ Павловичъ непремѣнно выбросить вонъ, думала скромно про себя Анна Алексѣевна: — такъ пусть же другая половина останется: дорогою пригодится. Кострома не близкій свѣтъ: на своихъ недѣля ъзды.

Туть были не только крендели, кокурки, пироги, курникъ и пирожное всѣхъ родовъ, но были и сушеные вишни и яблоки и даже моченый горохъ, собственно для Ивана Павловича. До моченаго гороха Иванъ Павловичъ быль страстный охотникъ, Ѳль его о всякую пору, особенно дорогой, и имъ-то Анна Алексѣевна очень удачно затыкала мужу ротъ, когда онъ начиналь ворчать слишкомъ упорно и назойливо.

Игривый навѣдывался въ это время почасту къ сосѣдямъ, и не разъ уже вырывались у него такія странныя выраженія усердія и готовности быть чѣмъ нибудь полезнымъ при снаряженіи ихъ въ дорогу, что походило на то, будто ему хотѣлось скорѣе ихъ выпроводить. Казалось бы, они ему ничѣмъ не мѣшали тутъ — но видно онъ думаль объ этомъ иначе, или даже у него была тутъ какая либо не прямая, а косвенная думка.

Наконецъ взошло то солнышко, которому суждено было, до заката своего, освѣтить поѣздъ Гонобобеля изъ Подстойнаго въ Кост-

рому. Рыдванъ шестерней, да троичная телега стояли у подъѣзда. Несмѣтная дворня, раздѣленная на двѣ густыя толпы, стояла направо и налѣво оть крыльца, острila надъ кучеромъ и выноснымъ, надъ дѣвкой въ дорожномъ уборѣ, въ какой–то куцой курткѣ и барыниныхъ башмакахъ, — и ожидала господь. Въ покояхъ послышались голоса: барыня простилась съ кошками своими въ дѣвичьей и тамъ отдала уже всѣ приказанія на счетъ корма и присмотра за ними; но баринъ прощался съ собаками гласно, какъ на мірской сходкѣ. «Кирюшка! кричалъ онъ стоя на крыльцѣ, «да чтобы наваръ быть дважды въ недѣлю, слышишь, а по буднямъ овсянка — слышишь? Я говорю, чтоъ они праздникъ знали... ха, ха, ха! слышите, что я говорю?» и народъ, кланяясь угодливо, оть души засмѣялся.

— Это что? спросилъ Иванъ Павловичъ, остановившись на второмъ приступкѣ кареты.

— Дорожные припасы, мой другъ, отвѣчала примирительнымъ голосомъ Анна Алексѣевна.

— Это вонъ — ха, ха, ха! и вотъ это вонъ, — и это вонъ, ха, ха, ха! слышите, что́ я говорю? — И узлы съ мѣшками летѣли изъ рыдвана въ открытыя двери. Дворня подхваты-
вала мѣшки и мѣшечки на лету, и по знаку Анны Алексѣевны, передавала все это втихо-
молку на запятки и въ телегу. Довольный этою побѣдой, Иванъ Павловичъ весело усѣлся, ска-
завъ: «ну, вотъ теперь милости просимъ, ма-
тушка Анна Алексѣевна! Слышите, что́ я гово-
рю — а? Вотъ теперь милости просимъ — ха,
ха, ха!»

Поклоны и пожеланія дворни посыпались громогласно: кучерь свистнулъ, тряхнуль воз-
жами, и карета покатилась. Телега была нагру-
жена перинами, подушками, дѣвками, овсомъ и Богъ—вѣсть чѣмъ; а потому большая часть уз-
ловъ и мѣшковъ, вылетѣвшихъ изъ кареты ма-
новеніемъ руки Ивана Павловича, поступили на временноe попеченіе того, кто сидѣль на запят-
кахъ. Бѣднякъ обняль во всѣ руки и держаль цѣлый возъ поклажи, такъ что ни онъ не видѣль свѣту, ни свѣтъ не видаль его.

— Вотъ это у нѣмцевъ считается миля, сказа-
заль Иванъ Павловичъ, выглядывая изъ окна, и
вспоминая былое время походовъ: — это семь
верстъ.

— Ахъ, ты, Боже милостивый! проговорила,
словно проснувшись, Анна Алексѣевна и за-
крыла лицо руками.

— Что тамъ такое?

— Охъ, ужъ не знаю, какъ и сказать, Иванъ
Павловичъ! Надо же такому грѣху случиться...

— Да что́ же такое? говори, я говорю.

— Да ларецъ съ любашинымъ бѣльемъ вѣдь
позабыли, весь...

Гонобобель вспыхнула какъ ракета и разсы-
пался звѣздочками въ упрекахъ и нраво-
ученіяхъ. Сто разъ повторилъ онъ, что уже не
вортится и что Анна Алексѣевна можетъ тѣ-
перь управляться какъ ей угодно. Проѣхавъ
однакоже еще версты двѣ, онъ закричалъ: стой!
велѣль отпрячь лошадь изъ-подъ телеги и по-
слать за ларцомъ, приказавъ привозить его
прямо на ночлегъ. Нравоученія все еще сыпа-
лись обильно, но по явному истощенію запаса,

повторялись все одни и тѣ же, и притомъ майоръ брюзжалъ даже съ нѣкоторыми разстановками, переводя духъ съ большою свободой. Тогда Анна Алексѣевна, все не говоря ни слова, разсудила, что пора прибѣгнуть къ мочено-му гороху: молча подставила она супругу свое-му мѣшечекъ; стариkъ жадно запустилъ туда руку и, набивая ротъ горстями, ворчаль уже такъ безсвязно и невнятно, что Анна Алексѣевна вольна была принять это за молчаніе, или даже за изъявленіе удовольствія.

Минуемъ теперь прочія событія на пути четы нашей въ Кострому, даже и то, что на первомъ привалѣ, гдѣ стали закусывать, оказались въ наличности однѣ только вилки, и притомъ полная дюжина — а ножей не было ни одного; оставимъ и то, что Гонобобель нашелъ въ каретѣ козла въ мѣшкѣ, какъ онъ увѣряль, и кричаль, и хохоталъ, и бѣсновался, и показы-валъ всѣмъ людямъ, что барыня взяла съ собою на дорогу козла въ мѣшкѣ, и заставляль всяка-го ощупывать рога и велѣль его выкинуть вонъ, — и какъ наконецъ оказалось, что это

быть вовсе не козель съ рогами, а кисеты съ табакомъ и запасными трубками самого Ивана Павловича, — оставимъ, говорю, все это и пойдемъ, вмѣстѣ съ родителями, встрѣтить и принимать изъ пансіона единственную дочь ихъ, Любашу.

Странно, скажу и я при этомъ случаѣ въ скобкахъ, приглашая всѣхъ и каждого послушать что я говорю, — странно: всѣ пансіоны, воспитательныя и учебныя заведенія учреждаются, какъ должно полагать, для того, чтобы воспитать и образовать человѣка вовсе не для пансіона собственно, а для свѣта, въ которомъ всѣмъ намъ приходится жить... а между тѣмъ, пошлюсь на любаго — этому ли тамъ всегда учатъ, или этому ли тамъ научаются?..

Публичный экзаментъ, съ музыкой и угоженіемъ и танцами, — съ вѣнками и цвѣточными вензелями, съ рѣчами на трехъ языкахъ, прощальными стихами и прочими принадлежностями, быль уже оконченъ, когда Гонобебели вкатились въ рыданѣ своеи шестерней въ Кострому. Большая часть выпускныхъ

дѣвицъ были уже разобраны родителями, прибывшими къ этому экзамену, и Любаша, въ сиротствѣ своеемъ, не смотря на живой и веселый нравъ, пролила уже не мало слезъ, глядя въ томительномъ ожиданіи на своихъ подругъ. Она, запыхавшись, внѣ себя, выбѣжала на встрѣчу родителямъ, пропустивъ на этотъ разъ вовсе мимо ушей столь важныя и дѣльныя наставленія начальницы, которая припоминала ей вслѣдъ, какъ себя держать, какъ присѣдать и кланяться, и какъ привѣтствовать отца и мать. Она бросилась на шею матери, потомъ отцу, тамъ опять матери, рыдала и смѣялась. Анна Алексѣевна плакала также навзрыдъ, и зрелище это вышло бы въ—самомъ—дѣлѣ невыносимо—умилительнымъ, еслибы Иванъ Павловичъ не позаботился придать ему нѣсколько болѣе—успокоительный отгѣнокъ. Старикъ встрѣтилъ дочь громкимъ и глупымъ смѣхомъ, враль и мололь безъ умолку, обращая кстати и некстати вниманіе присутствовавшихъ на умныя рѣчи свои. Дѣвицы, вышедши скромною вереницей въ приемную проводить подругу свою и

раздѣлить съ нею радость, стояли всѣ въ слезахъ и готовились заранѣе еще къ обильтнѣйшему плачу, — но онѣ были до того озадачены поведеніемъ этого папеньки, что стояли въ совершенномъ недоумѣніи, какъ безчувственные куколки. Сама даже начальница была поставлена въ затруднительное положеніе и съ свойственною ей находчивостью тотчасъ же пріискала поводъ, чтобы пожурить вполголоса покорныхъ овечекъ своихъ и тѣмъ отвлечь ихъ вниманіе отъ странныхъ замашекъ Гонобобеля. Но его нельзя было надоумить этимъ или сбить съ кону: какъ вѣжливый, свѣтскій человѣкъ, онъ, напротивъ, считалъ долгомъ своимъ придать болѣе—веселый видъ этому свиданію и прощанію и занять дѣвицъ, — а потому и обратился тотчасъ же къ нимъ, засыпалъ ихъ вовсегда непонятными для нихъ остротами, и, забывшись нѣсколько разъ, протягивалъ руку, чтобы, по привычкѣ своей, придержать своего собесѣдника за пуговицу. Онъ наступалъ на бѣдненькихъ, испуганныхъ дѣвицъ вплоть и кричалъ почти въ уши, то одной, то другой:

«слышите, что я говорю: я говорю, ха, ха, ха — я говорю: дочка переросла матушку — а? каковъ ребенокъ? — я говорю, ха, ха, ха! — слышите что я говорю? я говорю: невѣста хоть куда, — отбою не будеть отъ жениховъ — слышите? ха, ха, ха! А ну, поди-ка сюда, продолжалъ онъ: поди, да покажи-ка намъ лѣвое ушко свое, моя ли ты дочь — вѣдь она у меня мѣченая, ха, ха, ха — слышите, что я говорю? она мѣченая у меня — ты ли это, не подмѣнили ль тебя? — Нѣть, моя дочка, моя; вотъ и мѣточка — видите, смотрите! Ушко поротое... ха, ха, ха!

Кто взглянуль бы въ это время на розовое ушко Любаси, которое она улыбаясь подставила, а папенька ея держаль между пальцевъ, тотъ могъ бы увидѣть на немъ небольшой рубчикъ, длиною съ ноготокъ. Это, безъ всякихъ шутокъ, была мѣтка, которою отецъ помѣтилъ дарованныхъ ему Богомъ дѣтей, дочь и сына, чтобъ они не затерялись, или чтобъ ихъ не подмѣнили. Благоразуміе или предусмотрительность, достойные Ивана Павловича Гонобобеля.

Перерости матушку, какъ замѣтилъ Иванъ Павловичъ, Любашѣ было, впрочемъ, не мудрено, потому—что Анна Алексѣевна едва доставала носомъ до среднихъ петлицъ на фракѣ свое-го мужа. Любаша была средняго роста, гибка и такого пріятнаго очерка въ станѣ, что, казалось, было бы легко обнять ее двумя пяденями, приподнять и поставить передъ собою на столъ. Головка ея была живописна кругомъ и со всѣхъ сторонъ; свѣтлорусые волосы, съ пепельнымъ отливомъ, слегка извиваясь волной по обѣ стороны пробора, оттѣняли немножко—азіатское по складу лицико, нѣжное, хотя немножко смуглуватое, но съ удивительною живостью и яркостью румянца. Большиe голубые глаза, довольно—рѣзко обозначенныя брови, прямой лобъ, носикъ, который спереди казался нѣсколько—плосковатымъ, но съ боку представляль легкій погибъ, рѣзко—обозначенныя ярко—пунсовыя губки, ямки на щекахъ, истинно—калмыцкіе, поднизанные на—подборь зубки и изумительно—прелестный погибъ бархатной шеи — все это оживлялось еще необычайною жизнью во взорѣ

и во всѣхъ движеніяхъ, нѣсколько—поспѣшныхъ, но плавныхъ и нѣжныхъ — доказывающихъ, однаже, опытному наблюдателю, что здѣсь женственность была развита въ высшей степени и первое впечатлѣніе, чувство, брало верхъ надъ разсудкомъ...

Между—тѣмъ, предусмотрительный сосѣдъ Гонобобеля, разсчитавъ, къ какому времени можно ожидать сосѣдей обратно изъ Костромы и, убавивъ на всякий случай денька три изъ этого счета, отправлялся ежедневно подъ вечеръ, то пѣшкомъ для прогулки, то верхомъ, то на дрожечкахъ въ сельцо Подстойное, а иногда проѣзжалъ еще версты двѣ за него, и возвращался шажкомъ домой. Онъ дѣлалъ это самъ не зная къ чему и для чего, дѣлалъ потому, что ему хотѣлось гулять въ эту сторону, а не въ другую, и что онъ воленъ быль располагать и собою и временемъ. Никакой положительной мысли въ немъ не созрѣло: онъ дѣтски играль мечтами и быль счастливъ.

Подъѣзжая однажды къ усадьбѣ Ивана Павловича, онъ увидѣлъ на другомъ концѣ сельца

облако пыли — вѣщее взъиграло не даромъ: это катиль рыдванъ шестерней и троичная телега. Дорожная поклажа усилилась еще и наросла разными покупками въ губернскомъ городѣ, и потому коробки, кузовки, картоны, мѣшки и узлы навалены были гора—горой, какъ на телегѣ, такъ и на чердакѣ рыдвана, который, не смотря ни на какія возраженія и остроты Ивана Павловича, въ этомъ безобразномъ видѣ, круглый и пузатый, какъ готовый къ отлету воздушный шаръ, величаво приближался къ барской усадьбѣ. Игривый считалъ въ это время всякое посѣщеніе неумѣстнымъ, и потому хотѣль—было воротиться потихоньку домой; но, высматривая съ осторожностю нѣкоторыя подробности этого поѣзда и стараясь по временамъ проникнуть взоромъ въ необъятную, темную хлябь черезъ опущенное окно рыдвана, Павель Алексѣевичъ невзначай встрѣтилъ высунувшуюся оттуда головку: она кивала ему привѣтливо; затѣмъ, оборотившись на одно мгновеніе внутрь, казалось, поспѣшно что—то проговорила и опять уже съ улыбкою выгляди-

вала въ окно. За нею показалось въ тѣни еще какое-то широкое лицо и кажется, также третье, и наконецъ даже сидѣвшій за каретой на горѣ Монбланѣ Филька снялъ дорожный картузъ свой и низенько раскланивался.

Нечего было дѣлать — Игривый подъѣхалъ ко двору, и встрѣтивъ хозяевъ у крыльца, сталъ ихъ высаживать. Напередъ всего вывалился самъ Гонобobelъ, изъявляя громогласно радость свою при нечаянномъ свиданіи съ дорогимъ сосѣдомъ и строго приказывая всѣмъ слушать, что самъ онъ, Гонобobelъ, говорить. Дворня окружила господь, стая собакъ бросилась съ лаемъ и воемъ на почтенного хозяина и сбила его съ ногъ; а какой-то шальной теленокъ, котораго всполошили собаки, метался какъ угорѣлый между людьми, лошадьми, постремками и собаками, лягался и ревѣлъ благимъ матомъ. Гонобobelъ отился наконецъ отъ домочадцевъ своихъ и обнялся съ гостемъ, взявъ его при этомъ случаѣ руками за уши, какъ самоваръ; онъ самъ не могъ нарадоваться этой замысловатой выдумкѣ и кричалъ и объясняль

ее послѣ цѣлый день. Высаживая Анну Алексѣевну, Игривый поцаловалъ у ней ручку и не успѣлъ покоситься черезъ старуху въ рыданье, какъ третья и послѣдняя птичка уже выпорхнула оттуда сама, привѣтствовала сосѣда, быстро оглядывалась кругомъ, припоминая предметы, знакомые ея дѣству, улыбалась радостно, а между тѣмъ слезинка дрожала на русой рѣснице... Дворня также со слезами бросилась въ ноги барышнѣ, и нянюшки чуть не унесли ея на рукахъ.

— Что жъ ты, привезъ ли мнѣ для сюрприза на новоселье кобеля-то? заревѣль Гонобобель, когда всѣ вошли въ покой, напоминая Игривому обѣщаніе его.

— Нѣть, не привезъ, отвѣчалъ тотъ: — я не надѣялся застать васъ сегодня здѣсь....

— Такъ чортъ ли въ тебѣ, коли ты одинъ прїѣхалъ! ха, ха, ха, слышите, что я говорю? я говорю: чортъ ли въ тебѣ, коли ты ко мнѣ прїѣхалъ одинъ.... ха, ха, ха....

Между тѣмъ, какъ кошки взметывались отъ радости въ комнатахъ подъ самый потолокъ, а

оттуда валились клубомъ подъ ноги, мяукали и ластились, а дѣвки и вся дворня зашевелились какъ пчелиный рой — Анна Алексѣевна старалась ласками своими загладить по возможности довольно—странное привѣтствіе своего супруга. Игривый, конечно, вовсе въ этомъ не нуждаясь, съ умиленіемъ смотрѣлъ на стоявшую передъ нимъ молодую дѣвушку, которая разсказывала ему необычайныя для нея дорожныя приключенія. Не смотря на завидное положеніе свое, онъ, однакожъ, вскорѣ опомнился, простился, обѣщавъ опять навѣстить сосѣдей, и оборотился къ передней, — но здѣсь новое, неожиданное препятствіе остановило его: дорожные чемоданы, сундуки, ларцы, коробки, кузовки, мѣшки и узлы разнаго рода и вида не только покрыли собою весь полъ и не давали ни конному, ни пѣшему прохода, но поклажа эта взгромождена была у самыхъ дверей горой, выше роста человѣческаго. Одинъ подаваль, другой принималъ, ставиль все тутъ же и убѣгалъ въ другую сторону, и такимъ—образомъ дверь была загорожена. Только послѣ долгаго шума, крика и

многихъ остротъ со стороны хозяина, наконецъ дорога была кой–какъ очищена, и сосѣдъ окончательно раскланялся.

— Мы къ вамъ въ воскресенье къ обѣднѣ, кричала ему вслѣдъ въ окно Анна Алексѣевна, и онъ, раскланиваясь, просилъ пожаловать и зайдти къ нему закусить.

Утромъ крестьяне и крестьянки пришли къ барышнѣ своей на поклонъ, съ ягодами, яблоками, яйцами, цыплятами и полотенцами. Все это было ей очень—ново и странно — она безпрестанно оглядывалась на мать, ожидая отъ нея наставленія, какъ и что дѣлать; вмѣшавшись же наконецъ въ толпу, она перецѣловала всѣхъ дѣвушекъ и тѣмъ доставила старикамъ—крестьянамъ большое утѣшеніе.

Что же Любаша нашла въ отчемъ домѣ, и чѣмъ отозвалось въ ней все то, что она тамъ на первый случай встрѣтила? На первый случай — она была довольна и счастлива; она вышла изъ—подъ тягостной опеки на волю; она была уже вовсе не тою дѣвочкой, которую мадамъ журить весь день, при каждой встрѣчѣ, нака-

зывая держаться прямѣе, ходить плавнѣе, присѣдать милѣе: она сама сдѣлалась внезапно какою-то повелительницей, и всѣ въ домѣ смотрѣли барышнѣ въ глаза, чтобы только на нее чѣмъ-нибудь угодить. О хозяйствѣ, о должностномъ порядкѣ въ домѣ — у нея, разумѣется, не было никакого понятія, и ей казалось, что до всего этого ей нѣтъ и не будетъ никакой нужды; она рождена на свѣтъ и воспитана въ образцовомъ костромскомъ пансіонѣ, для чего? да, для чего? — это вопросъ слишкомъ-неожиданный и странный; о подобномъ вопросѣ она еще и не слыхивала, а полагаетъ, если только должна быть особая цѣль и назначеніе ея бытію — полагаетъ, что она родилась на свѣтъ для радости, для веселья, для того, чтобы порхать и тѣшиться и забавляться въ-теченіе бѣлаго дня, а по ночамъ дремать подъ сладкія грезы.... О неуклюжихъ странностяхъ отца она судить не смѣла, и потому его не осуждала, хотя часто краснѣла отъ него; она чувствовала, что ей какъ-то неловко, но скоро

опять забывала это и наконецъ рѣшила, что видно—де этому такъ и должно быть....

Въ воскресенье Игривый хлопоталь уже съ утра о достойномъ пріемѣ дорогихъ гостей. Они точно пріѣхали къ обѣднѣ, а изъ церкви, вмѣстѣ съ хозяиномъ, пошли его навѣстить. Тутъ закусили, осмотрѣли хозяйство и садъ, а когда наконецъ вошли въ покой и стали собираться въ обратный путь, то не могли доискаться Любаши, которая одна—одинехонька бѣгала по саду. Скрѣпя сердце, Игривый сидѣль въ это время чинно со стариками; но чувства и думка его, конечно, бродили въ иномъ мѣстѣ.

— Гдѣ она? кричалъ Гонобобель: — пропала, что ли? Такъ не даромъ же она у меня мѣченая — ха, ха, ха! слышите, что я говорю? — и взяль вбѣжавшую Любашу за ушко, чтобы освидѣтельствовать знаменитую мѣтку: — такъ, она и есть, не подмѣнили; да гдѣ же ты это пропадаешь? ужъ не хочешь ли здѣсь остаться — а? слышите, что я говорю — ха, ха, ха....

Анна Алексѣевна съ трудомъ замяла этотъ довольно—странный вопросъ, который, впрочемъ, никакъ не смѣшалъ Любаша, потому—что она вовсе не поняла его значенія.

— Вы скоро къ намъ будете? спросила она Павла Алексѣевича, который провожалъ дорогихъ гостей на крыльцо.

— Скоро, когда угодно, когда позволите, отвѣчалъ онъ.

— Пріѣзжайте, продолжала она: — вотъ хоть завтра.... я начинаю скучать безъ моихъ добрыхъ подругъ. А васъ я видѣла тамъ, и мнѣ съ вами веселѣе. Я давно вамъ хотѣла сказать, что вы походите на Машу Суслонцеву: это мы всѣ рѣшили и прозвали ее за это вашимъ именемъ.

Отецъ подошелъ въ это время съ новыми замысловатыми остротами своими, ухватилъ Игриваго за пуговицу и, повертывая его съ права на лѣво и съ лѣва на право, враль и хохоталь ему на ухо. Линейку подали, Гонобобели уѣхали. Игривый долго глядѣлъ имъ въ слѣдъ, задумчиво поплелся въ садъ, отыскивая на пескѣ по дорожкамъ слѣдовъ пары маленькихъ

ножекъ — а вся дворня, вся деревня, наконецъ и всѣ сосѣди и весь околотокъ начали понимать, намекать и пророчить, что изъ этого—де что—нибудь да выйдетъ.

Такъ мирны, тихи и складны были дѣла и сношенія между Алексѣвкой и Подстойнымъ и оставались въ этомъ видѣ цѣлый годъ. Сосѣди такъ свыклись между собою, что имъ было скучно другъ безъ друга, если они два дня сряду не видались; а Игривый и Любаша въ—самомъ—дѣлѣ казались связанными уже гораздо—болѣе, чѣмъ однѣми узами свѣтской пріязни. Никогда, правда, между ними рѣчи не было о разъясненіи этого чувства и взаимныхъ ихъ отношеній; но всякий посторонній зритель не могъ ни на минуту оставаться на—счетъ этого въ сомнѣніи. Они безсознательно наслаждались мирнымъ и тихимъ блаженствомъ своимъ, не нуждались доселѣ ни въ какихъ болѣе объясненіяхъ и не думали еще о перемѣнѣ своего положенія, — такъ оно казалось имъ хорошо.

Междудѣлѣ, какъ у нихъ у обоихъ не было завѣтныхъ тайнъ другъ отъ друга, то и бы-

вала почасту рѣчъ о томъ, что Игривый намѣренъ вскорѣ отправиться на годъ въ университетъ, для окончанія курса. Онъ говорилъ объ этомъ охотно, какъ—будто къ слову и случайно, замѣчая, какъ и чѣмъ это отзовется въ Любашѣ и услаждаясь тѣмъ, что она, смотря по расположению своему, то хмурила брови, подтягивала губку и немножко дулась, то озадачивала друга нѣжнымъ и убѣдительнымъ взглядомъ, то прямо старалась отклонить его отъ этого намѣренія словесными убѣжденіями и доводами, которые всегда подавали поводъ къ нѣжнымъ бесѣдамъ, хотя въ нихъ собственно о нѣжности и о любви не упоминалось. Вслѣдствіе ли этихъ объясненій и дѣтскихъ упрековъ, или по другимъ причинамъ, но Игривый собирался уже и не поѣхалъ въ первое полугодіе или семестръ послѣ прїѣзда Любashi, не поѣхалъ и во второе, послѣ новаго года, а теперь собирался, какъ—будто не шутя, на третье, расписывая въ воображеніи своеемъ сладкую горечь разлуки, блаженство свиданія и наконецъ внезапную, счастливую развязку, которая должна повер-

шить дѣло. Ему казалось, когда онъ размышлялъ объ этой блаженной будущности, что тутъ препятствій никакихъ быть не можетъ; въ Любашѣ онъ былъ увѣренъ, а со стороны родителей ея не только нельзя было ожидать какихъ-либо затрудненій, но, напротивъ, они, повидимому, весьма желали этого союза, приличного и выгодного во всѣхъ отношеніяхъ. Отдать дочь за порядочного и не бѣдного сосѣда — какой же отецъ и мать отъ этого откажутся?... Впрочемъ, мы здѣсь взялись пояснить, можетъ-быть, болѣе, чѣмъ и самому Игривому было ясно; всѣ размышленія эти происходили въ немъ почти безсознательно, и когда онъ ловилъ себя на нихъ врасплохъ, то самъ первый восклицалъ: «какой вздоръ — ну, съ чего ты это взялъ?»

Однажды вечеромъ, Игривый расхаживалъ рядомъ подлъ Любashi назадъ и впередъ по дорожкѣ въ саду, передъ чайнымъ столомъ, за которымъ сидѣли родители ея и еще два-три сосѣда. Онъ опять завель вполголоса рѣчъ о скоромъ отъѣздѣ своемъ въ концѣ каникуль и собирался съ духомъ, для дальнѣйшихъ, необ-

ходимыхъ объясненій. Любаша привыкла уже слышать, въ общихъ словахъ, объ этомъ любимомъ предположеніи своего друга; но будущее казалось ей всегда такъ далеко, что положительное назначеніе столь-короткаго срока какъ-то непріятно поразило ее. Она задумалась: ей представилось живо это одинокое, томительно-смутное время, когда она будетъ *одна на свѣтѣ*, когда у нея даже не будетъ подъ рукой Павла Алексѣевича, и она не могла понять, почему же она прежде жила спокойно безъ него, а теперь этого не можетъ? У нея не доставало духа на какое-либо объясненіе; она потупила глаза, повѣсила голову, стала задумчиво играть вѣточкой, которую держала въ рукахъ, и сама не замѣчала ни странности своего молчанія, ни томительного ожиданія своего друга.

— Будете ли вы меня помнить? сказалъ онъ наконецъ: — узнаете ли вы меня, когда я ворочусь опять къ вамъ?

Она быстро взглянула на него, и какой-то скорый отвѣтъ едва-было не вырвался изъ усть

ея — но она опомнилась и выговорила только едва—внятно:

«Я?» потомъ смолкла и опять опустила голову.

Игривый быль поставленъ еще въ большее затрудненіе и ломалъ себѣ голову, какъ понять это «я», и какимъ образомъ теперь продолжать. Если сказать на это: «да, вы», то это также ничего не выражало и казалось пошлымъ, растягивая безъ нужды объясненіе, которое, по важности своей, должно бы быть какъ—можно—болѣе сжатымъ; времени было немного.... Если повторить вопросъ, сказавъ: «да́, будете ли вы меня помнить?», то это, казалось, слишкомъ—настойчиво; и безъ того уже, для этой торжественной минуты, было сказано довольно—много... Игривый только—что нашелъ—было средину, вздохнулъ и хотѣль сказать: «вы не отвѣтаете?...» какъ поровнялся съ чайнымъ столикомъ, и у него въ ушахъ раздалось:

— Слышите, что я говорю, Павель Алексѣевичъ? ха, ха, ха, я говорю: а по чьей

же дудкъ и плясать женѣ, какъ не по мужни-
ной — ха, ха, ха!

Эта необычайная острота Гонобобеля застас-
вила Игриваго изъ приличія остановиться и да-
же кивнуть головой и улыбнуться; затѣмъ, онъ
былъ вовлеченъ въ общій разговоръ, а подруга
его услана матерью съ хозяйственнымъ пору-
ченіемъ. Она воротилась съ какимъ-то пост-
нымъ лицомъ: щеки ея горѣли, губки, и безъ
того рѣзко-обозначенныя, были какъ-то сжаты,
а глаза по-видимому избѣгали встрѣчи со взо-
ромъ опаснаго сосѣда. Игривому казалось, что
этотъ вечеръ долженъ рѣшить судьбу его, что
болѣе-приличнаго случая для окончательной
развѣдки нельзя ожидать. Онъ внимательно
подстерегалъ всѣ движения Любаши и выбиралъ
только время, чтобы сказать ей нѣсколько
словъ, какъ послышавшійся вдали колокольчикъ
привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе.

— Не уѣзжайте, сказала Любаша почти шо-
потомъ, поднявъ глаза прямо на своего друга, и
въ то же время, какъ-будто боясь продолженія

этого разговора, подошла ближе къ матери и стала обращать вниманіе ея на колокольчикъ.

О, этотъ колокольчикъ и черезъ двадцать лѣтъ еще часто раздавался въ ушахъ Игриваго, когда онъ, въ одиночествѣ своемъ, сидѣлъ, повѣся голову, и глядѣль умственными очами картины волшебнаго фонаря воспоминаній своихъ. Этотъ колокольчикъ напоминаль ему задушевное выраженіе голоса и взора Любashi, когда она просила: «не уѣзжайте!» Этотъ же колокольчикъ внезапно прерваль бесѣду, которая, вѣроятно, рѣшила бы судьбу Игриваго иначе, чѣмъ она рѣшилась теперь — все черезъ тотъ же роковой колокольчикъ!

— Вѣрно исправникъ, говориль прислушиваясь одинъ.

— Нѣть, зачѣмъ ему теперь быть, замѣтиль другой.

— Наше мѣсто свято, кричалъ третій, и хоталъ при этомъ на весь міръ: — слышите, что я говорю? я говорю: наше мѣсто свято — ха, ха, ха!

Между—тѣмъ, колокольчикъ все ближе да ближе; щегольская коляска остановилась у подъѣзда на дворѣ — и мать, отецъ и дочь бросились съ криками радости на встрѣчу одному изъ двухъ улановъ, выскочившихъ изъ коляски: это былъ вновь—произведенный корнетъ, Карпъ Ивановичъ Гонобобель, сынъ Ивана Павловича и Анны Алексѣевны и братъ Любаши.

— Ротмистръ Шилохвостовъ, Семенъ Терентьевичъ, сказалъ молодой корнетъ, представляя родителямъ своего гостя и попутчика, когда первые порывы восторга свиданія успокоились: — позвольте представить вамъ моего искренняго друга, самаго благороднаго и отличнаго офицера.

— Ты меня заставляешь краснѣть, сказалъ скромно Шилохвостовъ, взглянувъ на друга своего, потупивъ глаза и подходя къ ручкѣ матери и сестры его....

— Очень—рады, милости просимъ, очень благодарны за доброе расположеніе ваше къ Кар-

пушъ, просимъ покорно.... сказала Анна Алексѣевна.

Гонобобель облобызаль гостя и, забывшись, чуть не ухватиль его при этомъ также за уши, — до того ему шутка эта полюбилась, и сказалъ:

— Вотъ, мы всѣ думали, что Карпуша дуракъ — прошу покорно, очень-радъ — а онъ вотъ какого дорогаго гостя привель — ха, ха, ха, очень-рады! ай-да Карпуша!

Ободренный этимъ, Карпуша обратился къ своему пріятелю и сказалъ:

— Вотъ, братецъ, видиши, тебѣ всѣ рады. Сдѣлай милость, будь какъ дома.

Гостямъ отвели комнату, поставили снова самоваръ, посылали спрашивать не хотять ли пообѣдать, или такъ чего-нибудь поѣсть, ягодъ со сливками, огурцовъ съ медомъ, простоквashi, варенца, творогу; подали сметаны со ржанымъ хлѣбомъ, — нѣкогда любимое кушанье Карпуши, и не знали, чѣмъ бы угостить Шилохвостова, который не бралъ въ ротъ молочнаго и даже чай пиль по китайски, безъ сливокъ.

— Экіе недогадливые! закричалъ наконецъ догадливый хозяинъ: — вздумали улановъ угощать сливочками, да сметанкой? ха, ха, ха! а вы горькой подайте, — это всегда кстати, — да ромку къ чаю, съ позолотцей выпьемъ — а? слышите, что я говорю? я говорю: съ позолотцей — ха, ха, ха!

Подали того и другаго, и Карпуша, къ крайнему удивленію маменьки, тотчасъ же покинулъ и сметану и чай со сливками и подсѣль, нисколько не обинуясь, къ горькой и къ рому. Ротмистръ скромничаль и заставляль себя просить, увѣряль даже, что онъ почти вовсе не пить, но товарищъ его, на котораго отецъ не могъ налюбоваться, распоряжался полковымъ порядкомъ: онъ вылиль въ глотку большую рюмку, не прикасаясь къ ней руками, а охвативъ ее всю, прямо со стола, губами и опрокинувъ голову назадъ. Эта штука привела папеньку въ восторгъ; маменька же, напротивъ, какъ-будто силилась улыбнуться, чтобъ не нарушить общей веселости; но заботливыя морщинки скоплялись на челѣ ея и она никакъ не могла

принудить себя раздѣлить одобрительный возгласъ своего сожителя; а между—тѣмъ, Карпуша, отъ перетроёной настойки этой, даже не поморщился и не крякнуль.

Любаша не могла отвести глазъ отъ милаго братца, съ которымъ уже два года не видалась, и уланскій мундиръ прельщалъ ее до нельзяя. По—временамъ встрѣчала она также взоромъ благообразнаго ротмистра, съ большими русыми бакенбардами, съ прекрасными усами, шелковистыми кудрями и сѣрыми, но выразительными и нѣжными глазами. Наружность ротмистра была въ—самомъ—дѣлѣ пріятна, всѣ пріемы его ловки, обращеніе скромно и обязательно.

Игривый бываль съ—издѣлства товарищемъ Карпуши, а потому и поздоровался съ нимъ по—братски, и они при этой встрѣчѣ остались опять по прежнему на *ты* и *ты*. Перемѣны, которыя Павель Алексѣевичъ въ это короткое время могъ замѣтить въ Карпушѣ, не слишкомъ утѣшали Игриваго; новый гость, котораго тотъ привезъ, какъ—то еще менѣе былъ по вкусу сосѣда; не менѣе того, когда, по распоряженію

хозяина, подали на радости такъ—называемаго шампанскаго, то всѣ трое молодыхъ людей, ротмистръ, корнетъ и отставной студентъ, по настоянію расходившагося маюра, пили въ круговую за здравіе другъ друга, обнялись на побратимство и скрѣпили дружбу свою братскимъ *ты*. Впрочемъ, мы уже видѣли, что молодой корнетъ и прежде этого былъ съ ротмистромъ своимъ на такой короткой ногѣ.

Игривый не навѣщалъ сосѣдей послѣ этого дня три, желая дать имъ покой, и былъ приглашенъ въ Подстойное къ обѣду, который давался въ честь новаго корнета. Если Павла Алексѣевича и безъ того уже взяло какое—то раздумье послѣ описаннаго нами вечера, то теперь онъ подавно былъ сбитъ съ толку. Любаша какъ—то робѣла и мѣшалась при немъ, даже будто избѣгала разговора и все держалась около брата, отъ котораго не отходилъ ни на шагъ благообразный ротмистръ. Три побратима прохаживались послѣ обѣда по саду, гдѣ все общество разсѣялось, и Карпуша, послѣ

нѣсколькихъ двусмысленныхъ намековъ, сказаль:

— Какой чудакъ этотъ ротмистръ! Послушай, Павель: я его привезъ потому, что прочу въ женихи сестрѣ — онъ ей—Богу славный, преотличный человѣкъ и благородный малый — а онъ ломается теперь, да несетъ Богъ—вѣсть что.

Павла Алексѣевича, конечно, не бархатомъ по сердцу погладило отъ этихъ словъ; но онъ собрался съ духомъ, осилилъ всякое движеніе, казался спокойнымъ и взглянуль только слегка вопросительно на того и на другаго.

— Ты, братецъ, по дружбѣ своей, слишкомъ—хорошо обо мнѣ относишься, сказалъ довольно—равнодушно Шилохвостовъ, глядя въ землю! — вѣдь я.... да, впрочемъ, всякому позволено сомнѣваться, составить ли онъ счастіе дѣвушки, и даже подумать о томъ, не навьючть ли ему, можетъ—быть, арбузъ.... да и согласится ли сама сестра твоя.... почему она меня знаетъ? Она можетъ думать, что я какой—нибудь подлецъ....

Карпъ Ивановичъ, которому еще не было двадцати лѣтъ и который тридцати—трех—лѣтняго ротмистра своего называлъ «малымъ», прибавляя къ этому безпрестанно то «добрый», то «славный», то «лихой», то «благородный», — Карпъ Ивановичъ не даль ему договорить, ручался за успѣхъ, ссыпался при этомъ безпрестанно на *Павлушу*, т. е. на Игриваго, и предлагалъ посватать сестру сегодня же, сейчасъ же, и запить невѣсту въ этотъ же вечеръ. Разговоръ о питьѣ быль любимымъ у Карпуши, и онъ рѣдко безъ него оканчивалъ бесѣду.

Игривый быль поставленъ въ самое странное положеніе. Онъ могъ только отмалчиваться. Къ—счастію, собесѣдники его были оба слишкомъ—заняты своимъ разговоромъ, и Карпуша, ссылаясь то—и—дѣло на Павлушу, не ожидалъ, однаже, отвѣта его и враль самъ—по— себѣ дальше.

Вечеромъ плясали шумно и весело; ротмистръ быль отчаянный мазуристъ того времени, когда бросались въ мазуркѣ на колѣни передъ дамой своей, топали, шаркали, щелкали

каблуками и побрякивали шпорами. Побѣда въ танцахъ на этотъ разъ безспорно осталась за уланами? Любаша еще въ жизнь свою не танцевала такъ много и притомъ въ большомъ обществѣ, а на долю ея достался первый и превосходный кавалеръ, ротмистръ Шилохвостовъ. Она была внѣ себя отъ удовольствія, и всѣ, всѣ дѣвицы, отъ первой до послѣдней, завидовали ей какъ—нельзя—больше. Ей то—и—дѣло шептали въ уши: «ахъ, машеръ, какъ ты счастлива! ахъ, какой онъ милый! ахъ, машеръ, поздравляю съ побѣдой!...» Разумѣется, что это чрезвычайно лъстило самолюбію бѣдненькой дѣвушки, хотя она въ этомъ и не сознавалась и даже, можетъ—быть, сама этого не знала. Игривый глядѣлъ на все это въ какомъ—то раздумыи и также самъ не зналъ, какъ понять то, что онъ видѣлъ и чѣмъ все это кончится.

Когда къ ночи послѣ бала ротмистръ съ корнетомъ остались глазъ—на—глазъ, и притомъ немножко съ позолотой, то рѣчь между ними сейчасъ опять зашла о Любашѣ. «Что же?» сказалъ братецъ ея, скинувъ мундиръ, присѣвъ

на кровать свою и подпершись въ обѣ руки: — «что же? видно, братъ, Сеня, Любаша тебѣ не нравится, а я думалъ ужъ какъ тебѣ услужить!»

Сеня прохаживался большими шагами по комнатѣ, набивая изъ кисета трубку. —

Послушай, сказалъ онъ, остановясь передъ Карпушей: — вѣдь сестра твоя не шутя дѣвушка предostойная, премилашка.... Ну, воля твоя, братецъ, мнѣ совѣстно; ну за что же я заѣмъ у нея вѣку? за что я ее утоплю за себя? Другое дѣло какая—нибудь тамъ Перепечихина или Перепутилова, да коли этакъ поддѣть можно ее душь на сотенку, ну что жъ? это не грѣхъ; а ты подумай, братецъ: мы съ тобой друзья закадычные, да вѣдь и она тебѣ родная сестра!

— Да о чёмъ же ты хлопочешь, Сеня? Я тебя, воля твоя, не понимаю! Ну, такъ чѣмъ же она тебѣ не дружка? Ну, говори! Самъ говоришь: и хороша, и мила, и достойна, и душь, хоть сотня не сотня, а подъ семьдесятъ на ея долю наберется; а мнѣ вѣдь все равно, не ми-

новать же раздѣла: такъ ужъ лучше жъ пусть тебѣ достается. Вѣдь я же говорю это любя тебя; а ты какую–то дичь несешь. Что жъ ты, боишься, что ли, ее? вѣдь она агнецъ; а ужъ какъ–бы мы зажили съ тобой — ухъ! только пыль столбомъ! Я, братъ, еще не скоро жениюсь, мнѣ еще рано, я бы подлѣ васъ такъ пошелъ пробавляться, а ты, душа моя.... да вѣдь мнѣ бы хотѣлось тебѣ услужить, а лучшаго мужа я сестрѣ своей не найду, хоть свѣтъ пройду, ей–Богу.

— Братецъ ты мой, душка ты моя! все это правда; да вѣдь я–то подлецъ.... Ну, скажи, ради Бога, правду, ну, вѣдь просто подлецъ?^{*})

— Никогда! возразилъ съ жаромъ братецъ, вскочивъ съ кровати и замахавъ руками: — никогда, ни за что! Богъ съ тобой! откуда ты это взяль?

---

^{*}) Все это происходило, какъ видно изъ окончанія повѣсти нашей, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Замѣчаемъ это во избѣженіе недоразумѣній.

— Ну, да какъ же, милый ты мой, продолжалъ тотъ, покачавъ головой и опустивъ руки: — вѣдь изъ трехъ полковъ меня выгнали, и тутъ служить со мной не хотять; ну, и пьяница я, и буянъ я, — ну, вѣдь буянъ? — и картежникъ я, и по рожѣ бить, а тутъ вотъ еще связался съ тобой.... ну, разсуди же самъ, ну, не подлецъ ли я? Ну, кто же я таковъ?

— Премилый и разлихой малый, возразиль опять братецъ: — ну, дай же себя обнять, да хорошенько, вотъ такъ... Да не отворачивай рыла—то, дай сюда его, — чмокъ, — премилый, преблагородный, пребезподобный и рѣдкостный малый! Душа моя, ну, зять ты мнѣ? зять? говори! Сестричку мою берешь за себя? а? породнимся, что ли?

— А что же ты думаешь, въ самомъ—дѣлѣ? сказалъ Шилохвостовъ, надумавшись и разнѣжась въ объятіяхъ друга: — можетъ—быть, я и не хуже другаго: вѣдь мало ли подлецовъ на свѣтѣ, да еще какихъ — ухъ!! Вѣдь и я тоже человѣкъ, и доброго сердца человѣкъ; же-нившись, перемѣнившись; ну, исправлюсь и я....

— Исправишься, милашка мой, душечка мой; ей Богу, исправишься. А на свѣтѣ, разумѣется, мало ли подлецовъ, обѣ этомъ что и говорить! Ну, по рукамъ же!

— По рукамъ! сказалъ расхрабрившійся ротмистръ, ударивъ съ размаха корнета по плечу такъ, что тотъ покачнулся. Друзья обнялись и облобызались, еще разъ ударили по рукамъ и снова принялись обниматься; шальной и полу-пьяный Карпуша хотѣлъ сейчасъ же бѣжать сватать сестру; ротмистръ удерживалъ его и принужденъ быль, наконецъ, отнять у него почти-насильно сюртукъ, обнимая и упрашивая успокоиться до завтра. Они строили планы до бѣла-свѣта о томъ, какъ они будутъ вмѣстѣ жить; Карпуша разжился на этотъ чрезвычайный случай еще бутылкой рома, сахаромъ и самоваромъ, а Сенюшка клялся ему съ восторгомъ, что милѣе Любashi онъ въ жизнь свою не видѣлъ дѣвушки, и что при первомъ взглядѣ на нее влюбился на-смерть.

На другое утро, Карпуша пошелъ сватать сестру свою. Правда, что, прославвшись, Шило-

хвостовъ струсиль и началь—было опять впадать въ свое отчаянное уничиженіе; но вскорѣ собрался съ духомъ, находя, что онъ дѣйствительно влюбленъ въ нсравненную Любашу, что, впрочемъ, вся вина должна пасть на брата ея, что теперь, когда его—самого опять уже выжимали изъ полка, ему всего выгоднѣе было выйтти въ чистую отставку, жениться на помѣщицѣ и зажить спокойно домкомъ и дворомъ. Къ этому разсужденію присоединилась и несомнѣнная увѣренность въ самомъ—себѣ, что онъ непремѣнно исправится и сдѣлается хоть и не самымъ отличнымъ, но все—таки, въ сравненіи съ теперешнимъ бытомъ своимъ, очень—порядочнымъ человѣкомъ.

Любаша испугалась—было сначала предложенія брата своего, который вбѣжалъ къ ней безъ толку, выплясывая мазурку и побрякивая шпорами, потомъ стала божиться, что ротмистръ влюбленъ въ нее на—смерть, и вслѣдствіе того предлагалъ ей за него выйтти; но положеніе ея казалось ей столь новымъ и такъ сильно ей лъстило, что сватовство это ста-

ло ее тѣшить; она начала забавляться имъ и впала вскорѣ съ братомъ въ ребяческія шутки, и сама возвратилась на время къ годамъ своего дѣтства въ пансіонѣ, гдѣ шпоры и эполеты разъ-на-всегда брали верхъ надъ фракомъ, и гдѣ гусаръ или уланъ мгновенно привлекалъ къ окну всю бѣлолицую и остроглазенькую толпу, тогда-какъ платье гражданского покроя никогда не удостоивалось и взгляда. Блѣстки, разсыпанныя по вихрю, мелькнули въ глазахъ дѣвушки и ослѣтили ее; другому чувству не было простора. Карпуша, впрочемъ, не выждалъ положительного отвѣта сестры, которая еще не успѣла опомниться, а наговоривъ ей съ три короба и насуливъ небывалаго счастія, расцѣловалъ ее и побѣжалъ къ отцу. Съ матерью онъ не хотѣль обѣ этомъ толковать, изъ опасенія, чтобъ дѣло не затянулось.

Ивану Павловичу Карпуша также съ первого раза закидаль глаза неожиданнымъ счастіемъ, которое ожидаетъ сестру. Онъ лгалъ и хвасталь, по милой привычкѣ своей, безъ всякаго дурнаго намѣренія; кажется, что его при этомъ

соблазняла болѣе всего честь называть ротмистра зятемъ, и что онъ былъ подкупленъ снисходительностью своего эскадроннаго командира, съ которымъ онъ былъ, какъ мы видѣли, на самой дружеской, братской ногѣ. Онъ увѣриль отца, что Шилохвостовъ перваго дворянскаго рода въ Россіи; что онъ богатъ, много наживать отъ эскадрона и ремонта, и еще болѣе вскорѣ получить отъ дяди, который уже на ладанъ дышить; что эскадронный командиръ его самый лихой, самый добрый и благородный малый, и притомъ лучшій служака, изъ-за котораго поссорились всѣ полковые командиры цѣлой дивизіи. Карпуша очень—хорошо зналъ, что у ротмистра ремонта нѣть, а вскорѣ не будетъ и эскадрона, что наслѣдства онъ можетъ ожидать развѣ только отъ своего деньщика; но что нужды? Карпуша плелъ и путалъ все такъ, какъ ему теперь казалось выгоднымъ, и не хотѣль выдать своего лихаго товарища, а потому дозволилъ себѣ, для друга, отступить нѣсколько отъ истины.

— Вотъ оно каково! сказалъ Гонобобель, приподнявъ брови и заложивъ обѣ руки въ карманы: — вотъ оно каково! ха, ха, ха! А я было, признаться, прочилъ Любашу за сосѣда; ха, ха, ха! я говорю: вотъ оно каково!

— Какъ же можно, папенька! поспѣшилъ замѣтить сынокъ: — вѣдь Павлуша... вѣдь онъ, то—есть, добрый человѣкъ, добраякъ, и другъ мнѣ, — да вѣдь онъ тюфякъ; ну, какъ же его сравнить съ моимъ ротмистромъ, то есть съ Сеней? Вѣдь это, не въ укоръ ему говоря, все равно, что... И остановился, не зная, что́ дальше сказать и какое бы прибрать сравненіе.

— Ну да, разумѣется, ха, ха, ха! Я вѣдь и говорю, что въ полѣ и жукъ мясо, а на безлюдьи и Оома дворянинъ... ха, ха, ха! Карпуша, слышишь, что я говорю? а?

Анна Алексѣевна, узнавъ наконецъ въ свою очередь обѣ этомъ сватовствѣ, покачала головой и вздохнула разъ—другой; она собиралась поговорить обѣ этомъ толкомъ съ Иваномъ Павловичемъ, но все не могла выбрать времени. Ротмистръ, конечно, льстилъ и ея самолюбію, но

все не выходила у нея изъ памяти «позолота» и бутылка рома, взятая Карпушей къ ночи. Павла Алексѣевича ей было жаль, очень—жаль; къ тому же, и земля его подходила вплоть къ ихъ межѣ, и быль онъ человѣкъ предобрѣйшій, и устроилъ все хозяйство послѣ отца какъ—нельзя—лучше. Анна Алексѣевна стала—было что—то говорить сыну, но хватъ убѣжалъ, не дослушавъ ея; она встревожилась и хотѣла по—говорить съ мужемъ, но и тому было не до нея. «Ну, Богъ съ нимъ!» подумала она: «конечно, отецъ воленъ въ дочери, и наконецъ, Богъ—вѣсть, можетъ—быть, Павель Алексѣевичъ и не думалъ сватать Любашу!» И, подумавъ такъ, она по—видимому успокоилась, пошла и сѣла въ свою комнатку, а между—тѣмъ колѣни у ней дрожали Богъ—вѣсть отъ чего.

— Веди жь его сюда, своего ротмистра, веди сюда съ повинною! кричалъ Гонобobelъ сыну, удерживая его самъ за пуговицу, между—тѣмъ, какъ тотъ отъ нетерпѣнія порывался скорѣе вонъ и придерживалъ пуговицу рукой, чтобы

папенька не оторваль ея: — веди, да пусть онъ намъ самъ поразскажеть, чего ему угодно.

Ротмистръ вошелъ скромно, съ поклономъ, въ небольшомъ замѣшательствѣ; онъ уже не первый разъ на вѣку своеемъ бывалъ, или по-крайнѣй—мѣрѣ, слыть женихомъ; но тутъ было не до штукъ и не до шутокъ: должно было представить истиннаго, настоящаго жениха.

Гонобобель подняль съ крикомъ руки, — это быль особый родъ привѣтствія, и сталъ спрашивать со странными ужимками: «А что вамъ, сударь, угодно? ха, ха, ха! а зачѣмъ вы, сударь, пожаловали? а въ чёмъ, я говорю, состоить ваше сердечное желаніе?» И, не дослушавъ хорошо—сложенной рѣчи Шилохвостова, послалъ брата за сестрой, принялъ ее не менѣе странно и спрашивалъ настойчиво: «Хочешь ли ты за ротмистра, за улана, за ремонтера, за эскадроннаго командира, за молодца? хочешь ли, говори, я говорю!» И когда Любаша, истинно не зная, что и гдѣ она, прошептала въ слезахъ: «какъ вамъ угодно», то маіоръ сложилъ руки ихъ безъ дальнихъ околичностей,

приговаривая въ это время, вмѣсто благословенія, похвалу своей послушной дочери и, разсыпаясь въ шуткахъ, совѣтовалъ жениху держать жену свою такъ же строго, какъ ее держалъ дома отецъ, чтобы она слушала его безпрекословно. Стариkъ, къ общему удивленію, самъ прослезился при этомъ, но хохоталь и болталъ вздоръ; даже у Шилохвостова какъ-будто глаза сдѣлались влажны. Любаша была очень-блѣдна, едва стояла на ногахъ, внезапно зардѣлась отъ неожиданного поцѣлуя жениха своего, опустила руки и глаза, дышала тяжело, и нѣсколько времени была неподвижна, какъ статуя.

Когда все это было кончено, Иванъ Павловичъ вспомнилъ, что у него есть еще въ домѣ жена и хозяйка, а у Любashi мать. Онъ почувствовалъ все неприличіе своего поступка и побѣжалъ за Анной Алексѣевной самъ, привель ее и, по-видимому, старался шумомъ, крикомъ и неумѣстнымъ хохотомъ скрыть нѣсколько свое замѣшательство и странность послѣдовавшаго за тѣмъ явленія, въ которомъ

матери не оставалось ничего, какъ, собравшись съ духомъ, благословить и обнять дѣтей своихъ.

Въ это самое время, въ комнату, гдѣ все это происходило, въ большую залу вошелъ Павель Алексѣевичъ. Ничего не зная, онъ, однажды, провелъ крайне—безпокойную ночь, не зналъ, куда дѣваться съ головой своей или сердцемъ, и наконецъ рѣшился, не теряя времени, идти къ сосѣду для объясненія. Обращеніе Любashi съ ротмистромъ, конечно, наводило на Игриваго какое—то недоумѣніе; но, припоминая послѣднія слова ея: «не уѣзжайте» и голосъ, выраженіе, съ которымъ она ихъ сказала, взоръ ея или глаза, которыми она при этомъ на него взглянула, онъ ободрялся, чувствовалъ въ себѣ нѣкоторую самоувѣренность и во всякомъ случаѣ захотѣлъ знать, чего ему ожидать и чего бояться.

— А—а! закричалъ Гонобобель встрѣчу сосѣду, который остановился въ какомъ—то недоумѣніи почти на самомъ порогѣ, видя все семейство въ сборѣ и притомъ въ какомъ—то

строгомъ чинѣ непосредственно послѣ благословенія матери: — а! вотъ и онъ, вотъ легокъ на поминѣ! ха, ха, ха! слышите, что я говорю? я говорю: вотъ на поминѣ легокъ! Съ праздничкомъ, сосѣдъ; дѣвки-то ужъ нѣть: выдали, братъ, выдали вотъ за проѣзжаго молодца! ха, ха, ха! А я было-прочилъ ее за тебя, ей-Богу, за тебя; а ты видно, себѣ-на-умѣ! ха, ха, ха! Ну, милости просимъ!

Окинувъ взоромъ всѣхъ членовъ семейства, Игривый, къ ужасу своему, въ тоже мгновеніе убѣдился, что глупая шутка Гонобобеля была, однакожъ, не шуткой, а плачевной истиной. Негодованіе, которое имъ овладѣло, выручило его изъ самаго тягостнаго положенія: онъ очень спокойно и чинно раскланялся на всѣ четыре стороны, поздравляя и желая много счастія, обнялся даже съ отцомъ, женихомъ и съ братомъ, поклонился Любашѣ и объявилъ въ то же время, что онъ съ своей стороны, не зная и не подозрѣвая этого семейнаго праздника, пришелъ только проститься, отправляясь завтра же въ Москву. Извинившись поспѣшностью своего

отъѣзда, онъ, даже не присѣвъ, раскланялся и опять уѣхалъ.

Любаша все еще стояла въ томъ же положеніи, блѣдная, неподвижная, какъ неживая; но въ то самое время, когда коляска Павла Алексѣевича, застучавъ, покатила со двора, невѣста пришла въ себя, стала всхлипывать, и ей сдѣлалось дурно. Мать приняла ее на руки, отецъ кричалъ: «что съ тобой? ха, ха, ха!», братъ подалъ ей руку, а женихъ стояль подаль въ какомъ-то замѣшательствѣ.

Полтора года спустя послѣ этого происшествія, Игривый опять подъѣзжалъ къ своей Алексѣевкѣ, и на этотъ разъ, не смотря на то, что сердце и думка его, безъ всякаго сомнѣнія, были полны мыслей и чувствъ о жителяхъ Подстойнаго, онъ однакожъ былъ очень—доволенъ, что путь изъ Москвы шель не на Кострому и не пролегалъ мимо усадьбы маіора Гонобобеля. Старика Ивана Павловича, впрочемъ, въ это время уже не было на свѣтѣ: онъ скончался довольно—скоропостижно вскорѣ по отъѣздѣ

Игриваго, отпраздновавъ благополучно свадьбу дочери.

Странная смѣсь воспоминаній, чувствъ и мыслей волновала и въ тоже время успокоивала Игриваго, то тѣшила его, то досаждала ему. Со дня отѣзда изъ Алексѣевки, онъ получалъ извѣстія съ родины только черезъ своего старосту, который увѣдомилъ его о свадьбѣ въ Подстойномъ, а также о смерти маюра и другихъ происшествіяхъ, но впрочемъ не пускался ни въ какія подробности, устраниемъя вообще обычнымъ складомъ и слогомъ этого рода писемъ. Игривому все казалось, будто судьба его еще не рѣшена, будто ему предстоитъ еще что—то впереди; а между—тѣмъ, когда онъ, опомнившись, соображалъ спокойно все случившееся, то ясно видѣлъ и понималъ, что ему—то собственно ожидать здѣсь болѣе нечего, и что онъ, какъ ребенокъ, игралъ какими—то темными, несбыточными грѣзами.

На другой день по прїездѣ, осмотрѣвъ хо-
зяйство и натолковавшись обѣ немъ до сыта,

Игривый сталъ разспрашивать своего старосту о томъ, что дѣлается въ Подстойномъ.

— Да что, сударь, плохо тамъ! Молодой баринъ пріѣхалъ, сталъ дѣлиться съ сестрой, да выдѣлять мать, и перессорились всѣ; тамъ Семень Терентьевичъ взяли съ хозяйки своей довѣренность, чтобъ Любови Ивановнѣ не знать ничего, не вступаться ни во что; а старую барыню уговорили отступиться отъ своей доли, да жить на хлѣбахъ у сына да у зятя, — ну, и подѣлились. Тутъ видно, Семень Терентьевичъ себя не обидѣли; Карпъ Ивановичъ по молодости вѣрили имъ во всемъ, такъ они и отвели себѣ, то—есть, на свою долю, почитай всѣ луга по Мухоловкѣ. Такъ и Карпъ Ивановичъ самъ остался безъ сѣна, да и мужики его безъ луговъ. Вотъ какъ спохватились, да думали—было какъ—нибудь поправить дѣло, ань Семень Терентьевичъ луга—тѣ уже всѣ отрѣзаль по самую околицу, да продаль сосѣду, Ивану Онуфріевичу. Ну, какъ продаль да деньги взяль, такъ ужъ ему и не живется дома: сѣль да поѣхалъ. Пропадаль онъ Богъ—вѣсть гдѣ мѣсяца три, что молодая

хозяюшка, сказываютъ, глаза по немъ выплакала, и воротился такой, что не на что глядѣть. Поѣхалъ въ коляскѣ, съ деньгами, а воротился оборванный, чуть не въ одноколкѣ — въ какой—то жидовской бриченкѣ. Тутъ они съ Карпомъ Ивановичемъ загуляли: что Божій день, то у нихъ во дворѣ хороводы, да пѣсни, да пляски, — одни мужики да старухи только и ходятъ на работу; ну, а баба, либо дѣвка, извѣстное дѣло, волосъ дологъ, да умъ короткъ, — этому дѣлу и рада. Такіе же, какъ ихъ милость, съѣзжаются къ нимъ со всѣхъ сторонъ, и Богъ—вѣсть откуда берутся: прежде что—то такихъ, благодаря Бога, здѣсь и не слыхать было; а въ городѣ, сказываютъ, въ гостиницѣ прибили за своей подписью объявленіе, что—де такой—то Семенъ Терентьевичъ да Карпъ Ивановичъ всѣхъ проѣзжающихъ созываютъ къ себѣ на усадьбу въ гости попить да погулять. Такъ вотъ и живутъ—себѣ безпросыпно, не памятующи ни себя, ни другихъ.

— А молодая барыня что жъ? спросилъ Игривый.

— Да что жъ, сударь! извѣстно, женское дѣло — капля камень долбить, а чужая слеза, чѣ съ гуся вода. Родила съ мѣсяцъ тому, сыночка, окрестили по дѣдушкѣ, Иваномъ.

Подумавъ немного, Игривый въ тотъ же вечеръ отправился въ Подстойное. Онъ нашель все точно въ томъ видѣ, какъ староста описаль. Крикъ и шумъ слышались издалека, попойка шла горой. Не смотря на крайнее негодованіе свое, Игривый вошелъ прямо въ это буйное собрище: человѣка четыре сидѣли за столомъ, уставленнымъ бутылками и стаканами; Карпуша, полураздѣтый, стояль и кричаль, будто на собаку: тибо! авансъ! пиль! — а какой-то оборванецъ, исправлявшій должность дурака, ползъ черезъ всю комнату на корачкахъ къ рюмкѣ вина, накрытой ломтикомъ хлѣба съ сыромъ, и по слову: пиль, выпиль ее залпомъ и закусиль. Карпуша, какъ былъ, такъ и остался, — все тотъ же отъявленный сорванецъ: онъ съ безстыдствомъ враль и безъ зазрѣнія совѣсти говорилъ въ похвальбу себѣ правду, не подозрѣвая даже, по глупости своей, что онъ

самъ себя выставлять мерзавцемъ. Казалось, впрочемъ, будто всѣ въ Подстойномъ обрадовались Павлу Алексѣевичу, кто больше, кто меньше, каждый по—своему. Шилохвостовъ обнялъ его въ восторгѣ, какъ старого товарища, но немножко совѣстился его и будто первое время былъ въ недоумѣніи, какой тонъ на этотъ разъ принять; вскорѣ онъ расходился однакожъ и началь—было покрикивать: шампанскаго! Игривый остановилъ его очень—спокойно, сказавъ: «оставь, это не кстати» и ротмистръ не смѣль противорѣчить. Не смотря на хмѣль, Шилохвостову было какъ—то неловко; онъ нашелся, предложивъ Игривому отвести его къ своей женѣ. Тутъ Семенъ Терентьевичъ снова оправился, повеселѣлъ, и когда Любаша вскрикнула отъ радости и изумленія, то онъ закричалъ: «да ну же, обнимитесь, да поцалуйтесь» и толкнулъ Игриваго прямо на Любашу. Въ первый и почти послѣдній разъ, Павель Алексѣевичъ обнялъ и поцѣловалъ бывшую свою подругу — и самъ не могъ послѣ отдать себѣ отчета, какъ это случилось, и кто изъ нихъ первый подалъ къ тому

поворъ. Шилохвостовъ убѣдительно просиль сосѣда остаться и занять Любашу, а самъ, по какому-то чувству сотраданія, или, можетъ-быть, чтобы обезпечить себѣ болѣе свободы на будущее время, оставилъ ихъ однихъ. «Сдѣлай милость, братецъ, докажи дружбу свою, навѣщай насъ почаше: я то-и-дѣло отлучаюсь, по хозяйству и по другимъ дѣламъ, и бѣдная жена скучаетъ — такъ развесели хоть ты ее немного.»

Любаша въ эти полтора или два года возмужала. Теперь можно было сказать обѣйней, что она совсѣмъ сложилась, и тѣломъ и духомъ. Она сѣла противъ друга своего, смотрѣла на него непросыхающими голубыми глазами, жадно слушала его, разспрашивала и не утомилась бы этой бесѣдой, еслибы она продлилась сутки сряду. О себѣ она молчала, или говорила въ общихъ словахъ; ни однимъ словомъ не обвиняла она мужа, легко и съ рѣдкимъ природнымъ чувствомъ скользила по тѣмъ щекотливымъ предметамъ, которыхъ безпрерывно и невольно надобно было касаться, бесѣдуя о сво-

емъ положеніи и домашнемъ бытѣ. Наконецъ, она показала Игривому своего младенца и повела къ старушкѣ Аннѣ Алексѣевнѣ, которая жила гдѣ-то въ глухой каморкѣ. Старушка распрылась въ слезахъ, увидѣвъ Игриваго, обнимала и цѣловала его безпрерывно, не переставая говорить о томъ, что вотъ кто быль бы сыномъ ея, вотъ кому прочила она любезную дочь свою, вотъ съ кѣмъ она была бы счастлива, и вотъ кто бы призрѣлъ ее—самое подъ старость. На прощанье она просила Павла Алексѣевича со слезами не забывать ихъ; Любаша взяла руку его въ обѣ руки свои и просила о томъ же; Игривый поцѣловалъ у нея руку и скорыми шагами удалился. Онъ уже не быль въ состояніи долѣе переносить все то, что передъ собою видѣлъ и вокругъ себя слышалъ. Только вышедъ нѣсколько на просторъ, онъ могъ вздохнуть свободно.

Оправившись немного, онъ хотѣлъ прямоѣхать домой, и потому вышелъ въ сѣни, оставивъ пирующихъ въ сторонѣ, и велѣлъ человѣку подать коляску. «Да никакъ, сударь, кучерь

вашъ нездоровъ», отвѣчалъ человѣкъ, переминаясь. Игриный понялъ отвѣтъ и вышелъ самъ на дворъ — но не могъ отыскать ни кучера свое-го, ни коляски. Уже давно смерклось и было темно; онъ рѣшился однокожь отправиться домой пѣшкомъ. «Кто идетъ?» раздалось въ воротахъ: тутъ поставленъ былъ караулъ и ни подъ какимъ предлогомъ не пропускалъ гостя. Игриный не хотѣлъ употребить силу, но, истощивъ всѣ просьбы и угрозы, воротился и вошелъ въ комнату, гдѣ шла попойка. Радостный крикъ привѣтствія встрѣтилъ его; но Карпуша, отчаянnyй буянъ, когда бывалъ пьянь, нарѣзался между тѣмъ окончательно и объявилъ ему на отрѣзъ, что до разсвѣта нѣть выхода отсюда, и что онъ, Карпъ Ивановичъ, будеть стрѣлять по вся кому, кто бы захотѣлъ прорваться силою, какъ по военному дезертиру. Вмѣсто отвѣта, Игриный повернулся и вышелъ опять на дворъ; но едва сдѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ выстрѣль раздался изъ окна и вслѣдъ за тѣмъ страшный крикъ и вопль. Бѣгомъ бросился Игриный назадъ и встрѣтилъ все пропойное обще-

ство въ испугѣ и заботахъ около Карпуши, который быль весь въ крови. Карпъ Ивановичъ, вслѣдствіе угрозы своей, дѣйствительно схватилъ заряженный пистолеть и выстрѣлилъ, какъ полагалъ, по упрямому гостю — но въ то же время, въ разсѣянности, онъ заткнулъ дуло пистолета пальцемъ собственной своей лѣвой руки, котораго теперь и не досчитывался.

Семенъ Терентьевичъ ревѣлъ и рыкалъ, мечтался какъ безумный, и кричалъ въ одинъ духъ сто разъ, что Карпуша застрѣлился. Когда же дѣло наконецъ объяснилось, хотя стоило и не малаго труда вразумить пьяного и заставить его молчать, то онъ расплылся въ стенаніяхъ, слезахъ и вздохахъ.

Семенъ Терентьевичъ въ подобныхъ случаяхъ всегда приходилъ въ себя, каялся и даваль преполезныя, хотя и запоздалыя наставленія. «Ахъ, Боже мой» говориль онъ, всплескивая руками: «вотъ тебѣ и на, вотъ тебѣ и догулялись! Ну, скажи, ради Бога, Карпуша, что мы съ тобой надѣлали? Ну, скажи на милость, не подлецы ли мы? Ну, помилуй, не мерзавцы ли

мы, опомнись, что мы это дѣлаемъ! Видиши ли: воть оно что изъ этого выходить; пьемъ безъ просыпу, таскаемся, не помнимъ ни Бога, ни себя, спились съ кругу, выбились изъ ума — ну, просто скоты мы, воля твоя, Карпуша, скоты!»

Тревога по цѣлому дому пошла страшная, слухъ разнесся, что Карпъ Ивановичъ застрѣлился. Игриный обмыль и перевязаль его, выслалъ собутыльниковъ его и велѣль ихъ также уложить, потомъ успокоилъ испугавшуюся на—смерть Любашу и насилу выбрался къ полуночи домой, не могши отвязаться отъ изъявленія признательности и раскаянія Шилохвостова, который поносиль самъ себя тѣмъ выразительнѣе, чѣмъ позже становилось и чѣмъ болѣе сонъ и хмѣль одолѣвали его.

Было о чемъ призадуматься Игривому, когда онъ дома на покоѣ припоминаль все, что видѣль и слышаль въ Подстойномъ. Сердце у него надрывалось, когда онъ обдумывалъ неразлучную съ этимъ на всю жизнь судьбу Любashi — а помощи не могъ онъ придумать никакой.

кой. О, еслибъ только Богъ надоумилъ меня и вразумилъ, какъ облегчить кресть этой страдалицы — подумалъ онъ — клянусь не щадить ни имущества, ни самой жизни своей и сдѣлать все, на что у меня станеть средствъ и силь...

Между—тѣмъ, мужики пришли всѣмъ міромъ къ господамъ Подстойнаго съ жалобой, что ихъ побили на лугахъ, проданныхъ Ивану Онуфріевичу, и не даютъ косить — и спрашивали, что же имъ дѣлать теперь, куда дѣвать скотинку и чѣмъ ее кормить — сѣна—де нѣть ни клочка. Мужики ходили часа два по двору, то къ старой барынѣ, то къ молодой, то добивались Карпуши, то Семена Терентьевича, не зная къ кому обратиться и не находя нигдѣ ни отвѣта, ни привѣта. Наконецъ Шилохвостову надо было выйтти и потолковать съ ними; онъ стояль передъ ними такимъ дуракомъ, что ему самому стало совѣстно. Онъ сталъ предлагать крестьянамъ кормить скотъ сѣчкой, древесными листьями, увѣряя, что это даже почти лучше сѣна и, занявъ ихъ нѣсколько хозяйственными

разговорами и благоразумными совѣтами въ этомъ же родѣ, распустилъ по домамъ.

Мало—по—малу, для Игриваго вошло въ привычку и обратилось въ потребность заканчивать день свой въ Подстойномъ. Тамъ сидѣль онъ съ Любашей, или прогуливался съ нею по саду, почти никогда не спрашивая, дома ли мужъ или братъ ея, — который, впрочемъ, жиль подлѣ, но въ особомъ домѣ — и такимъ—образомъ многолѣтняя страсть эта разгаралась обоюдно, безъ всякой помѣхи, но и безъ всякой надежды. Любаша была каждый день до того утѣшена урочнымъ появлѣніемъ Игриваго, что забывала въ это время всѣ свои бѣдствія и снова оживала; но, конечно, можно было предвидѣть, что такое мнимое спокойствіе, какъ неестественное, не могло быть и прочно: совершенно—разстроенное состояніе и хозяйство, несчастіе быть связанною навсегда съ такимъ мужемъ, нестерпимыя огорченія и оскорбления, которыя она отъ него должна была переносить, безнадежность глубоко—вкоренившейся любви, — все

это неминуемо должно было постепенно изнурять жизненные силы несчастной женщины.

Анна Алексѣевна не могла даже и временно успокоиться и утѣшиться: до того житѣе ея было горько. Забытая, заброшенная, она должна была сносить высшую степень небреженія отъ зятя и роднаго сына, между тѣмъ, какъ дочь могла только тайкомъ съ нею плакать, но не могла доставить ей даже самаго необходимаго для жизни, потому что сама во всемъ нуждалась. Анна Алексѣевна дошла до того, что обносилась кругомъ и не могла допроситься ни у сына, ни у зятя десяти рублей на буднишное и самое необходимое платье; Анна Алексѣевна на старости лѣтъ должна была не только отказывать себѣ въ чашкѣ чая, но иногда и даже въ другомъ блюдѣ, сверхъ людскихъ щей или каши. Вотъ запоздалая, хотя, можетъ быть, и заслуженная кара за гибельное воспитаніе сына, — кара ужасная, хотя поздняя и бесполезная, потому что она у насъ часто даже не служить примѣромъ для другихъ, а почитается просто случайнымъ несчастіемъ...

Наглядѣвшись и наслушавшись всего этого вволю, Павель Алексѣевичъ, подумавъ и переговоривъ с Любашей, пріѣхалъ однажды въ каретѣ, посадилъ туда старушку—мать ея со всѣми пожитками и увезъ къ себѣ. Онъ сдѣлалъ это безъ всякихъ предварительныхъ объясненій съ сыномъ или зятемъ, которые, впрочемъ и не заботились объ этомъ происшествіи, какъ о дѣлѣ до нихъ некасающемся.

Однажды Игривый вошелъ, по обычаю свое му, въ гостиную Любashi, и при первомъ взглядѣ замѣтилъ, что фортепьяно ея не были на томъ мѣстѣ, гдѣ они столько лѣтъ стояли и гдѣ онъ столько разъ сиживалъ подлѣ нея, разбиная понемногу съ нею вмѣстѣ какой—нибудь романсь или подбиная аккорды къ знакомому голосу. Большаго умѣнья или дарованія къ музыкѣ не было ни въ комъ изъ нихъ, но за фортепьянами и за пѣсенкой имъ всегда легко было размыкать горе и забыться на полчаса среди горькой дѣйствительности, отъ которой некуда было уйтти. Я думаю вообще, что музыка, доведенная до высшей степени совершен-

ства, не составляеть для нась такой потребности и даже рѣдко бываетъ такъ благотворна, какъ музыка домашняго обихода. Утомительныя обстоятельства, при которыхъ мы слушаемъ публично виртуозовъ, бываютъ для семейныхъ домосѣдовъ большою помѣхой, и подручные фортепьяно да пріятный голосокъ иногда съ избыткомъ вознаграждаются отсутствіе Листа и Віардо. Игривый спросилъ Любашу, куда дѣвались фортепьяно ея: она покраснѣла, взглянула на него и лицо ея выражало просьбу — не спрашивать объ этомъ. Онъ сталъ, однакожъ, настаивать, вѣроятно, догадываясь въ чемъ дѣло, и услышалъ, что Семень Терентьевичъ, собираясь опять куда-то по ярмаркамъ и не могши нигдѣ добыть на это денегъ, продаль или заложилъ фортепьяно жены все тому же сострадательному сосѣду, Ивану Онуфріевичу.

Игривый зашелъ вечеромъ къ хозяину дома, поздоровался съ нимъ, спросилъ, куда Богъ опять несетъ, и сказалъ очень—спокойно: «На что ты продаль вещь, которая женѣ твоей доставляла столько удовольствія, и еще продаль

за безцѣнокъ, какъ я слышу? ужъ лучше бъ ты у меня выпросилъ взаймы эти сто рублей, коли они тебѣ необходимы. Нельзя ли выкупить фортепьяно?»

Шилохвостовъ чрезвычайно обрадовался, во—первыхъ, тому, что отдѣлался такъ дешево и не быть вынужденъ выслушать при этомъ случаѣ цѣлаго ряда скучныхъ упрековъ; а во—вторыхъ тому, что открылъ новый и неожиданный источникъ для небольшихъ займовъ, тогда—какъ ему давно уже никто рѣшительно не вѣрилъ на два гроша. Онъ расчувствовался отъ признательности, побранилъ самого себя, повинился, а потомъ сказалъ:

— Послушай, братецъ, я, признаться, давно уже гляжу на васъ не надивуюсь. У меня сердце болитъ, меня жалость береть — а вѣдь томите и мучите вы сами себя ни за что, ни про что. А? Что жъ ты молчишь? поговоримъ хоть разъ откровенно, грудь на распашку. Я вижу и знаю все, что дѣлается, даромъ—что пьянъ бываю — все знаю. Вѣдь вы другъ по другѣ сох-

нете; вы любили другъ друга прежде: любитесь же съ Богомъ и теперь — кто вамъ мѣшаетъ?

Игривый молчалъ, а Шилохвостовъ очень спокойно продолжалъ: — Видишь, братъ Павель, вѣдь я обижать обижаю Любашу, и горькую чашу она отъ меня пить — ну, что жъ дѣлать? видно такова судьба ея, власть Господня; а вѣдь я ее люблю, ей—Богу уважаю, и желалъ бы ей лучшей участи. Ты же мнѣ другъ — и за тебя я радъ въ огонь, ей—ей радъ. Изъ—за чего же вы сами себя казните? Вѣдь я негодяй, я не стою и мизинца ея! Что жъ ты молчишь, Павель, и глядишь на меня такъ? ты думаешь, я тебя обманываю? Ей—ей нѣть; вотъ какъ передъ Богомъ; я вѣдь вижу и знаю все — сами вы себя казните, ни за что, ни про что.

На рѣчь эту Игривый, помолчавъ, отвѣталъ: — Я очень—радъ, любезный, что тебѣ все извѣстно; ты поступаешь справедливо, что не ревнуешь жены своей; она передъ тобой невиновата ни въ чемъ.

— И это глупо.

- У всякаго объ этомъ свои понятія.
- Чѣмъ ты мнѣ этимъ глаза колешь? Я самъ лучше всякаго знаю, что я подлецъ; что жъ мнѣ дѣлать?
- Ну, ужъ съ совѣстью своею мирись какъ знаешь; въ этомъ я тебѣ не указчикъ. Я тебя, впрочемъ, никогда и ничѣмъ не попрекалъ, и теперь не упрекаю.
- Ну, а больше что?
- Ничего.
- Глупо это, братецъ, ей—Богу глупо! Вотъ видишь: я послѣдній, пропащій человѣкъ, вотъ этого не стою — и самъ щелкнулъ — а я такому человѣку, какъ ты, говорю въ глаза, что это глупо. Къ—чему такое фанфаронство? Кто тебѣ за него спасибо скажеть?
- Тотъ, отвѣчалъ Игривый, понизивъ голосъ: — кто тебѣ велить честить самого—себя негодяемъ. Я щажу тебя, Семенъ Терентьевичъ, ради жены твоей; иначе я бы сказалъ тебѣ больше. Впрочемъ, не забудь, пожалуйста, что ты говоришь теперь объ ней, о своей женѣ, и

что увѣряль меня сейчасъ же въ уваженіи къ ней.

— Ну, такъ что жъ ей въ немъ, въ этомъ уваженіи?

— Оно дорого, даже и отъ такого человѣка, каковъ ты.

— Чудаки вы, да и полно! сказалъ Шилохвостовъ, пожавъ плечами: — модники! — А самъ всталъ и началъ расхаживать по комнатѣ. — Ну, дѣлайте, что хотите, васъ не разберешь. Не покидай, однако, Любashi. Я ъду, братецъ, завтра; мнѣ нужно, есть дѣлишки — а тебѣ грѣшно будеть — ты ея не забывай.

— Прощай, мой другъ, сказалъ онъ вечеромъ женѣ: — я ъду съ Карпушей. Послушай, будь поласковѣе къ Павлу Алексѣевичу; видишь ли, онъ старушку мать твою взяль къ себѣ и призрѣль — за что? Вѣдь онъ намъ чужой и только-что добрый человѣкъ; онъ вотъ и фортепьяно твои хочетъ выкупить, а я и мужъ твой да скотина, не стою волоса его и не стою тебя. Мнѣ жаль васъ обоихъ, такъ Богъ съ вами — я вамъ не помѣха...

Любаша побагровѣла до самыхъ ушей и молча смотрѣла вслѣдъ мужу большими, лучистыми глазами. Онъ обернулся въ это время, остановился и спросилъ кротко: «Что ты такъ дико на меня смотришь?» — «Уйди, ради Бога уйди», проговорила она съ трудомъ, отворотившись и закрывъ лицо руками. Шилохвостовъ посмотрѣлъ на нее призадумавшись, вышелъ молча и ворчаль про себя: «и здѣсь нѣть приступа — вотъ не знала баба го́ря, купила баба порося!... того-и-глядя, какой-нибудь несчастный романъ разыграютъ — и все на нашу шею, на мою то-есть съ Карпушей; мы и отдуvайся послѣ.»

Игривый по-прежнему навѣщалъ почти ежедневно Любашу, а иногда и Любаша прїѣзжала на часокъ къ своей матери, въ Алексѣвку, а по воскреснымъ днямъ къ обѣднѣ. Любашѣ какъ-то совѣстно было взглянуть первое время на Павла Алексѣевича; она все припоминала слова своего мужа; но Игривый непринужденнымъ, искреннимъ обращеніемъ своимъ скоро заставилъ ее забыть это: она увѣрилась, что

мужъ ея не проговорился Игривому, и успокоилась. Послѣ отъѣзда Карпуши и Шилохвостова, дорога вслѣдъ за ними заглохла, и слуха объ нихъ не было никакого. Между тѣмъ, Анна Алексѣевна захворала; съ недѣлю ужеѣздили къ ней уѣздный лекарь и утѣшаль ее подробностями о найденныхъ въ уѣздѣ и подкинутыхъ трупахъ, о томъ, что оказалось при вскрытии и о предстоявшихъ ему еще въ этомъ родѣ по-двигахъ. За микстурами безпрестанно посыпали верховаго въ городъ; дочь и самъ Павель Алексѣевичъ не отходили отъ больной и черезъ нѣсколько дней закрыли ей глаза. Лекарь, прїѣхавъ на другой день, рассказалъ по этому слушаю нѣсколько очень—забавныхъ анекдотовъ, заключилъ краткимъ изложеніемъ статистики скоропостижной смертности въ уѣздѣ и уѣхалъ.

Тихо и чинно похоронили старушку въ семейномъ склепѣ Подстойнаго, отпѣвъ ее въ Алексѣевкѣ. Любаша съ Павломъ Алексѣевичемъ шли вдвоемъ за гробомъ, который всѣ крестьяне и крестьянки Подстойнаго

проводили отъ самой церкви въ Алексѣевкѣ до семейнаго кладбища своихъ господъ.

Возвратившись съ погулки, сынъ и зять съ горя рѣшились продать часть своего имѣнія; а какъ она прилегала къ полямъ Алексѣевки, то Игривый сошелся съ ними и купилъ ее. Прочие крестьяне Подстойнаго пришли по этому слушаю всѣмъ міромъ къ Павлу Алексѣевичу и, кланяясь въ ноги, просили, какъ они выражались, «отобрать» ихъ всѣхъ отъ Гонобобеля и Шилохвостова и «взять за себя.» Они привыкли видѣть въ сосѣдѣ своеемъ какого-то опекуна и защитника и человѣка съ нѣкоторымъ вліяніемъ даже и на своихъ безпутныхъ господъ. Они въ такихъ рѣзкихъ и выразительныхъ чертахъ представили бѣдствіе свое, крайность своего нищенскаго положенія, что трудно было имъ возражать. Игривый успѣлъ однакожъ успокоить ихъ нѣсколько, обѣщавъ пособить имъ при посѣвѣ и растолковавъ, что продажа зависитъ отъ ихъ господъ, а на покупку нужны, кромѣ доброй воли, еще и деньги.

По случаю этой сдѣлки, въ которой Шилохвостовъ дѣйствовалъ также уполномоченнымъ за Карпушу, онъ ухаживалъ день другой около сосѣда, какъ—будто у него было что—то на душѣ, и наконецъ, сидя у него, послѣ разсчета, съ трубкою, за стаканчикомъ чая съ позолотой, повѣсила носъ въ стаканъ, сталъ помѣшивать чай свой въ раздумы ложечкой и сказалъ:

— Подстойное наше чай все не минуетъ твоихъ рукъ, Павлуша; да и съ Богомъ. Право, я тебѣ этого желаю. Безпутному сыну богатство не въ—прокъ. А кормить станешь насъ бобылей, меня то—есть съ Карпушей, подъ старость нашу, а?

— Накормиля бы я васъ лучше смолоду; отвѣчалъ Игривый: — да такъ, чтобы вы не только до новыхъ вѣниковъ помнили, а не забывали и подъ старость.

Шилохвостовъ весело захохоталъ: — этотъ ладъ рѣчи былъ ему по вкусу. Онъ затянулся трубкой, прихлебнулъ чаю, перекинулся назадъ въ кресла и, устремя съ улыбкой глаза на Павлушу, сказалъ: — Что правда, то правда; да

ужъ и вы мнѣ хороши: я, братъ, себя не жалѣю, и самъ браню себя, и другимъ не заказываю; да ужъ за то позволь попенять путемъ и тебѣ: я такихъ чудаковъ, признаться, не видаль и во снѣ.

— Ну, что же? отвѣчалъ Игривый: — будемъ удивляться другъ другу — больше нечего дѣлать.

— Послушай, модникъ, продолжалъ тотъ: — я тебѣ не шутя сдѣлаю еще одно предложеніе. Чтобы совѣсть тебя не мучила, коли ты сильно совѣстливъ, такъ дѣло можно бы обдѣлать хорошо, такъ-что были бы и волки сыты и овцы цѣлы....

— Я покуда еще тебя не понимаю, сказалъ Игривый равнодушно: — но, признаться, добра не чаю отъ кудреватой рѣчи твоей; не лучше ли тебѣ на всякий случай напередъ обдумать то, о чёмъ хочешь говорить, или ужъ просто промолчать?

— Да нужно, братецъ, сдѣлай милость, полно дурачиться: — выслушай меня спокойно, да подумай послѣ самъ. Вотъ что — продолжалъ

онъ съ небольшимъ, скрытнымъ смущеніемъ, наклонившись впередъ къ собесѣднику и положивъ оба локтя на столъ: — я, братецъ, ей—Богу, влюбленъ въ Ивана Онуфріевича....

— Влюбленъ въ Ивана Онуфріевича! перебилъ Игривый и захочоталь отъ души: ну, что же? мнѣ сватать его за тебя, что ли?

— Э, братецъ! да хоть не перебивай, дай договорить: — я не щучу, ей—ей. Я говорю, что я влюбился въ Ивана Онуфріевича Машу.... Что бы тебѣ посвататься? вѣдь за тебя отдадутъ ее обѣими руками....

— А за тебя развѣ не отдадутъ?

— Да полно же, сдѣлай милость; вѣдь я говорю дѣло: — женись, а тамъ — размѣняемся; вотъ и квиты!

— Ахъ, ты голова—головушка моя! сказалъ Игривый, покачавъ самъ головою: — нѣть, братъ, я вижу, что ты все еще льстишь себѣ, когда честишь самого—себя и такъ и этакъ....

— А что?

— Да такъ, больше ничего....

— Ну, Павлуша, послушай же, не дурачься.... ну, сдѣлай милость, не дурачься! ну, ругай меня! Что жъ? я самъ все это знаю: ну, пьяница; ну, буянъ; ну, картежникъ, мотъ, негодяй; ну, подлецъ, однимъ словомъ.... Женись, Павлуша, послушайся хоть разъ въ жизни моего братскаго совѣта! — Ну что же ты такъ глаза на меня уставилъ? Я этого не люблю. Что ты смотришь такъ, о чёмъ думаешь, скажи!

— Да я думаю, что бы такое придумать, какого рода мерзость, передъ которою бы ты запнулся?

— Правда, братецъ, ей—Богу правда; только не воръ я, вотъ что!... нѣть, воръ, ей—ей, воръ! таки просто украль разъ у пьяного сто рублей — каюсь тебѣ, какъ на духу, а правда. Но ужъ за то душегубства нѣть на моей совѣсти, видить Богъ, нѣть.

— Но есть надежда и на это, продолжалъ Игривый: — жену свою ты уморишь, этого не миновать.

Шилохвостовъ призадумался—было, а потомъ спросилъ: — А ты спасти ее не хочешь?

— Пулю бъ тебѣ въ лобъ, сказалъ суроно Игривый, привставъ со стула и понизивъ го-лосъ: — но нѣть, и это ея не спасеть. Ты заѣль всю жизнь ея, и одинъ только милосер-дый Богъ спасеть ее тамъ.

Онъ оставилъ гостя и вышелъ одинъ въ по-ле. Шилохвостовъ никогда не видаль его въ этомъ духѣ; Семенъ Терентьевичъ долго глядѣль за нимъ вслѣдъ, потомъ посвисталъ, кивнувъ головой, и сказалъ: — такъ вотъ оно куда пош-ло, а—га! и уѣхалъ домой.

Бѣдный Игривый могъ только смутно раз-мышлять о тяжкомъ своемъ положеніи. Ему ка-залось, что у него уже не доставало болѣе силь переносить все это; ему опять и нынче, какъ уже сто разъ прежде, приходило въ голову бросить все и уѣхать куда—нибудь подальше, на долго, или даже навсегда. Ему казалось, что онъ здѣсь сойдетъ съ ума. Что меня держитъ? думаль онъ: — для чего я здѣсь сижу и изны-ваю, какъ истинный, не баснословный Тан-таль? — А тамъ опять, думаль онъ: на кого же я ее покину? Еслибъ она была одна—

одинехонька — другое дѣло: тогда бы она здѣсь, среди своихъ крестьянъ и сосѣдей, могла жить спокойно и беззаботно; но при такихъ защитникахъ и покровителяхъ, какъ мужъ и братъ ея, — нѣтъ, при нихъ я отлучиться не могу. Богъ укрѣпить меня; останусь здѣсь и буду пить горькую чашу эту каплю по каплѣ, до дна. Что мнѣ теперь до себя? думать и заботиться о себѣ — мнѣ было бы стыдно: я долженъ видѣть одну только страдалицу свою и жить для нея. Малодушно было бы измѣнить теперь и себѣ и ей, и покинуть ее преждевременно, на жертву этимъ негодяямъ.

При такихъ размышленіяхъ, Игривый не успѣлъ подумать о томъ, куда онъ направилъ путь свой, какъ онъ вступилъ въ небольшую кленовую прѣсадь, которая вела къ усадьбѣ въ Подстойномъ. Онъ самъ улыбнулся этой странности, этой случайности — и продолжалъ медленными шагами путь; привѣтливо кивала ему изъ окна русая головка, къ которой прижималось бѣлое лицико младенца; вѣжливо и доброхотно встрѣтила его прислуга, суетившаяся на

крыльцъ и въ комнатахъ по поводу укладки чемодановъ и снаряженія обоихъ въ дорогу. Игривый прошелъ прямо къ хозяйкѣ дома — по имени, хотя она на дѣлѣ и была въ домѣ, можно сказать, чужая.

— Добрый вечеръ, Любовь Ивановна!

— Здравствуйте, мой добрый Павель Алексѣевичъ! Посмотрите на моего Ваню: — онъ первый васъ увидѣлъ и полѣзъ — было прямо изъ окна къ дядѣ Пау.

— А поди-ка сюда, маленьkій разбойникъ, поди къ дядѣ Пау! Ну, что твои рыбки дѣлаютъ? А посмотри, какого я тебѣ сейчасъ жука поймалъ — вишь какой, съ корову, и рогъ на затылкѣ! Давай-ка, гдѣ твоя маленькая тележка, запряжемъ его!

— Я должна воспользоваться сумерками, сказала вполголоса Любаша: — чтобы вы не видѣли, какъ я краснѣю, и поблагодарить васъ за фортепьяно.... ихъ привезли сегодня — я такъ была этимъ обрадована....

— Вотъ такъ, въ оглобли его — продолжалъ Игривый громко, закладывая своего жука и не

обращая никакого вниманія на слова Любаши: — постой, постой; мы и дугу поставимъ, и супонь подтянемъ....

— Я даже и за это вамъ благодарна, продолжала она: — что вы теперь не слышите о чемъ я говорю. Мнѣ отъ этого какъ-то легче на сердцѣ.

— А здоровье ваше каково сегодня? что голова и грудь?

— Слава—Богу, хорошо; сегодня легкій день, и мнѣ въ—самомъ—дѣлѣ лучше. Сказавъ это, она какъ-бы невольно взглянула въ окно на приготовленія къ отъѣзду мужа и брата.

— Ба! да вотъ онъ, нашъ любезный другъ и сосѣдъ? сказалъ вошедши въ комнату, Семенъ Терентьевичъ: — вотъ спасибо, такъ спасибо, другъ! А мы совсѣмъ. Прощай, Любаша.... Видишь ли, каковъ онъ человѣкъ, продолжалъ Шилохвостовъ, указывая на фортельяно: — а? не чета тому скоту, который заложилъ—было ихъ Ивану Онуфріевичу, и, разумѣется, никогда бы не выкупилъ. Прощайте жъ, друзья мои, — и обнялъ ихъ обоихъ: — не поминайте лихомъ.

Прощай, мальчишка — Господь съ тобой, и вышелъ.

Игривый съ Любашей проводили его до крыльца; Карпуша сидѣль уже въ коляскѣ и бросиль оттуда рукой поцалуй сестрѣ и гостю. Коляска покатила. Съ часъ времени, Павель Алексѣевичъ побылъ еще въ Подстойномъ, а тамъ, отложивъ и выпустивъ на волю ванинаго жука, побрель тихимъ шагомъ домой. И въ этотъ разъ опять—было молодая кровь въ немъ взъиграла, взволнованныя чувства породили бурныя, черныя мысли, доводившія его до отчаянія; но спокойная совѣсть вскорѣ одолѣла эту душевную тревогу, малодушіе было побѣждено, и доблестное мужество одержало верхъ. Игривый вступиль подъ кровъ свой съ спокойнымъ духомъ.

Не смотря, однакожъ, на увѣреніе Любаси, что ей теперь гораздо—лучше, здоровье ея видимо разстроивалось. И въ—самомъ—дѣлѣ, какое сложеніе могло бы устоять противъ этихъ жестокихъ и безпрерывныхъ ударовъ судьбы, которые выпали на ея долю? Какое женское

сердце въ состояніи перенести это двойственное томленіе — быть женою Шилохвостова, а между—тѣмъ видѣть ежедневно Игриваго — и это вѣчное раскаяніе съ упреками совѣсти, за легкомысленный поступокъ, во время первой, неопытной молодости своей, когда и сама еще не понимала, что дѣлала, когда молча согласилась отдать руку человѣку, какъ отдаютъ ее на четверть часа, для мазурки или кадрили.... какой конецъ этому будетъ? гдѣ тутъ отрада? гдѣ самая надежда?

Игривому уже часто казалось, что Любаша постепенно худѣеть, и что здоровье ея мало—по—малу разстроивается; но видя ее почти ежедневно, онъ не могъ замѣтить никакой внезапной перемѣны; она все еще была въ глазахъ его тою же миловидной Любашей, какъ прежде; а когда онъ заботливо спрашивалъ о ея здоровье, то принужденъ быль довольствоваться общими отвѣтами ея, которые ничего положительного не объясняли. Однажды онъ, посидѣвъ у ней по обычаю своему часокъ, простился съ нею и отправился—было домой, какъ при входѣ въ кле-

новую прόсадь, ведущую оть барской усадьбы на большую дорогу, быль остановленъ мамушкой Любashi. «Не прогнѣвайся, батюшка, кормилецъ нашъ» говорила старуха: «я къ тебѣ, все къ тебѣ да къ Богу, больше не къ кому, самъ знаешь: ну, что же я стану дѣлать съ барышней своей (она Любашу все еще звала барышней и никакъ не хотѣла отстать оть этой долголѣтней привычки)? ну, вѣдь сохнетъ, моя голубушка, какъ воть цвѣть на стеблѣ....»

— Говори, говори, Тимоѳеевна, что такое?

— Охъ, ужъ не знаю что и говорить.... разговоры наши всѣ тебѣ вѣдомы давно, и знаешь ты все, знаешь кто раскинуль намъ печаль по плечамъ, кто пустиль сухоту по животу.... изойдетъ она горемъ; не ъсть, не спить, все такъ сидитъ, либо плачетъ; въ ротъ не береть ни росинки; все подперши локоткомъ сидить, ночи на пролетъ, по бѣлой груди рукой поводить — тамъ, знать, сердце болить, ноеть. Охъ, ужъ изведеть онъ мою барышню—госпоженку... Тогда—то мы что съ тобой дѣлать станемъ, ась?

Разспросивъ еще нѣсколько старушку и успокоивъ ее сколько умѣль, Игривый, конечно, не могъ добиться отъ нея большаго толка; но материнскія опасенія ея напугали его, заставили обратить болѣе вниманія на положеніе Любаши, и онъ также сталъ за нее опасаться. —

Надобно во—время что—нибудь сдѣлать, подумалъ онъ: — шутить этимъ нечего; можетъ—быть, есть еще противоядіе этой медленной отравѣ.... Онъ раздумывалъ, что ему дѣлать: тутъ нуженъ былъ совѣтъ умнаго и опытнаго врача; уѣздному лекарю, который такъ хорошо рассказывалъ присказки о подкинутыхъ мертвыхъ тѣлахъ, Игривый ввѣриться не хотѣль; онъ отправилъ чѣмъ—свѣтъ коляску въ другойсосѣдній городъ, за врачомъ, къ которому у него было болѣе довѣрія.

Врачъ прїѣхалъ, выслушалъ напередъ Игриваго, который рассказалъ ему все, что зналъ о состояніи здоровья Любаши; потомъ они вмѣстѣ отправились къ ней. Она нѣсколько изумилась, увидѣвъ вмѣстѣ съ Игривымъ незнакомаго ей пожилаго человѣка; но когда дѣло объяснилось,

то она была такъ тронута этимъ новымъ и во-
все—неожиданнымъ доказательствомъ его любви
и заботы объ ней, что съ трудомъ удержива-
лась отъ слезъ.

— Ну, что же я вамъ скажу о нашей милой
больной? началъ докторъ, когда онъ остался
наединѣ съ Игривымъ: — что мнѣ сказать вамъ?
Вы, я думаю, видите, слышите, чувствуете, по-
нимаете и соображаете въ этомъ случаѣ ни-
сколько не хуже меня. Я думаю, если несчаст-
ное положеніе этой женщины не измѣнится, то
она, не смотря на то, что повидимому владѣть
собою, при глубокой чувствительности своей,
однакожъ, легко можетъ сдѣлаться жертвою
этихъ несчастныхъ обстоятельствъ.

— Она и теперь давно уже жертва этихъ
обстоятельствъ, сказалъ Игривый, опустивъ
мутные глаза на землю.

— Да; но я понимаю слово это иначе; я хо-
чу сказать, что сожительство съ мужемъ нена-
вистнымъ и безпрерывныя, тяжкія оскорбленія
отъ него, а съ другой стороны многолѣтняя и
безнадежная склонность, а можетъ—быть и

страсть, которая, по обстоятельствамъ, еще безпрерывно разжигается, притомъ и материнскія заботы о будущей судьбѣ дѣтей своихъ, — я говорю, что все это составляетъ психическую причину болѣзни ея, этой грудной боли, біенія сердца, почти безпрерывной маленькой лихорадочки, истощенія, бессонницы, недостатка позыва на ъду, и что все это можетъ кончиться изнурительною лихорадкой; тогда поздно будетъ думать о помощи. При болѣзни тѣла страдаетъ и душа; при боли души изнемогаетъ тѣло. Это круговая порука. Между—тѣмъ, первое условіе для выздоровленія — вынуть занозу, устраниТЬ самую причину болѣзни: безъ этого нѣть пользы ни отъ пластиря, ни отъ микстуры, ни отъ пилюль.

— Посовѣтуйте, докторъ, что же тутъ сдѣлать?

— Ей надобно удалиться отсюда на нѣсколько времени, окружить себя новыми предметами. Можетъ—быть, до того времени тутъ что—нибудь измѣнится. Пошлите ее за границу.

— За границу?

— Да, на воды, куда-нибудь, не для водь, а для прогулки. Пожалуй, хоть въ Маріенбадъ или въ Теплицъ. Ушлите ее на годъ: можете быть увѣрены, что здоровье ея отъ этого выиграетъ. Это польза прямая, — а косвенная, что мы выиграемъ время, и вы подумаете, что дѣлать дальше. Вотъ мой совѣтъ.

— Но какъ это уладить, я не знаю; мысль эта для меня такъ нова, что я не умѣю взяться за исполненіе....

— Признайтесь мнѣ откровенно, вы не хотите разстаться съ нею?

— Избави Богъ, любезный докторъ, что вы это говорите! Я.... я не знаю, какъ вамъ объяснить это, но самъ быль бы готовъ бѣжать отсюда Богъ вѣсть куда, и я чувствую глубоко, что быль бы самъ спокойнѣе, еслибъ ея здѣсь не было. Что же касается до нея, то, конечно, нѣть жертвы, которой бы я не принесъ ей на пользу.

— Ну, такъ что же? Подумайте. Вѣроятно, какъ-нибудь устроите. Если помочь моя при

этомъ нужна — я къ вашимъ услугамъ. Расходы будуть не такъ велики; изъ нашего уѣзда собираются въ Теплицъ Маслаковы, которые даже были въ родствѣ съ покойнымъ Гонобебелемъ и, какъ я полагаю, не откажутся принять вашу недужную подъ свое покровительство; а Маслаковъ человѣкъ надежный.

Игривый поблагодарилъ доктора за этотъ умный совѣтъ, просилъ его поговорить съ Маслаковыми, самъ убѣдилъ Любашу дать на то согласіе и взялся кончить дѣло съ Шилохвостовымъ. Предложеніе это, конечно, сначала крайне озадачило ее, но, будучи передано убѣдительными устами Павла Алексѣевича, не могло встрѣтить большаго противорѣчія. Бѣдная Любаша и сама поняла, что ей необходимо вздохнуть на свободѣ, или задохнуться въ этомъ чаду.

Протаскавшись недѣли три Богъ—вѣсть гдѣ, Семень Терентьевичъ наконецъ благополучно возвратился, разумѣется, въ томъ жалкомъ видѣ, какъ обыкновенно возвращался съ этихъ отчаянныхъ погулокъ. Игривый, не теряя вре-

мени, воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, первымъ порывомъ унижения Шилохвостова, чтобы склонить его къ согласію на отпускъ Любashi.

— Послушай, Семенъ Терентьевичъ, сказалъ Игривый: — я когда–то пророчилъ тебѣ, что ты жену свою уморишь. Образа жизни своей, нрава своего ты не измѣнишь, и потому я пришелъ къ тебѣ не для упрековъ и не для поученій, но спрашиваю тебя торжественно, хочешь ли ты дать этой страдалицѣ еще небольшую отстрочку, хочешь ли подарить ей нѣсколько спокойныхъ дней, если это будетъ тебѣ стоить одного только твоего слова?

— Охота тебѣ, братецъ, какъ говаривалъ нашъ полковой писарь, вдаваться въ такое отчаянное сложеніе безъ реванша — то–есть, страшать меня такими мудреными загадками!... Что жъ мнѣ тебѣ на это говорить? вѣдь ужъ про самаго–себя мнѣ тебѣ нечего разсказывать, ужъ ты меня знаешь, и знаешь, что я принимаю съ признательностю всякую брань, всякое поношеніе, но ужъ наставлений не терплю; ви-

новать, не варить желудокъ! Говори нараспашку.

— Кажется, Семенъ Терентьевичъ я тебѣ никогда не надоѣдалъ наставлениями, и теперь обѣ этомъ не думалъ. Но дѣло вотъ въ чёмъ: жена твоя хвораетъ; я привозилъ сюда Межевскаго, онъ находить положеніе ея опаснымъ и настоятельно совѣтуетъ ей ѿхать за границу, именно въ Теплицъ, въ Богемію.

— Въ Богемію! Экъ васъ куда нелегкая несетъ!

— Нѣть, не нась, а одну только бѣдную и больную жену твою; можетъ-быть, съ Маслаковыми.

— Да вѣдь тамъ, слышно, шулера гдѣ-то на водахъ тѣхъ собираются — такъ туда, что ли?

— Можетъ-быть и собираются — обѣ этомъ я не разузнавалъ; знаю только, что другіе люди, кромѣ шулеровъ, ѿздятъ туда лечиться, и за этимъ-то надо бы ѿхать и Любови Ивановнѣ.

— Что жъ я стану дѣлать тутъ? я бы радъ, хоть бы ужъ тамъ каковъ бы я ни былъ, да съ

чѣмъ же я ее отпущу? Я вѣдь понимаю, чѣмъ это пахнетъ, а у меня, кромѣ должишекъ, нѣть ровно ничего; развѣ вотъ что: купиши ты у насъ съ Карпушей еще клокъ землицы? — пожалуй, по самую усадьбу отрѣжемъ, нечего дѣлать, — а? ладно, что ли? ну, по рукамъ, да давай деньги!

— Это особъ статья; я только спрашиваю тебя, отпускаешь ли ты жену ради болѣзни ея?

— Отпускаю, братецъ, ей—Богу! Что? не вѣришь? Я еще когда задумалъ жениться, такъ сказалъ, и Карпушѣ даль слово, что исправлюсь, вотъ что! Вѣдь я хоть и негодяй, а душа у меня предоблая!

Разсудивъ, что имѣніе Карпуши и Шилохвостова промотано, пропало невозвратно и расходится по клочкамъ, располагая притомъ сдѣлать изъ него современемъ особенное употребленіе, Игривый прикупилъ еще и другую часть его, условившись напередъ, чтобы известная сумма выдана была Любашѣ на поѣздку за границу. Между—тѣмъ, все было для поѣздки этой изготовлено; срокъ, по условію съ Маслаковыми,

назначенъ, и Павель Алексѣевичъ пріѣхалъ проститься съ Любашей и проводить ее за усадьбу; далѣе провожать ее казалось ему неприличнымъ, потому—что у нея были тутъ и мужъ и родной братъ.

Она приняла его грустно и радостно, сидя среди дорожныхъ ящиковъ и чемодановъ. Онъ сталъ утѣшать ее, старался немного развеселить и даль ей нѣсколько совѣтовъ и наставлений на дорогу; она долго слушала его спокойно и наконецъ спросила: «Но когда же все это будетъ, другъ мой? Мнѣ кажется, что всѣ приготовленія наши сдѣланы на вѣтеръ.»

— Что это значитъ? Я вѣсъ не понимаю.
— Я говорю, что, вѣроятно, никогда не соберусь и не уѣду отсюда.

— Какъ не соберетесь? Вамъ непремѣнно должно выѣхать сегодня, въ положенный часъ, чтобы не опоздать; развѣ вы не совсѣмъ?

— Я совсѣмъ...

— Ну, такъ зачѣмъ же дѣло стало?

Любаша помолчала, потомъ взглянула на Играваго и сказала вполголоса: — За.... мнѣѣхать

не съ чѣмъ: я не получила и, конечно, не получу ни копейки.

— Какъ это можно? Да я вчера уплатиль все сполна и, будьте спокойны, вотчина будетъ сбережена для вашихъ дѣтей....

— Я вамъ уже столько обязана, что не умѣю болѣе благодарить. Вѣрьте мнѣ, я поняла ваше благородное намѣреніе, хотя вы мнѣ не говорили доселѣ ни слова, конечно, щадя меня.... и за это я васъ благодарю.... Не менѣе того у меня денегъ на дорогу нѣть, и потому я не поѣду.

— Но объясните мнѣ, ради Бога, все это; я ничего не понимаю.

— Объясненіе очень—просто; Семенъ Терентьевичъ съ Карпушей уѣхали въ ночь, Богъ—вѣсть куда, и взяли всѣ деньги съ собой, до копейки.

— А! такъ вотъ что!... Ну, это ужъ моя вина, сказалъ Игривый: — оплошность моя непростительна. И въ—самомъ—дѣлѣ, какъ я могъ думать только, что, взявъ деньги въ руки, они сдержать свое обѣщаніе! Воля ваша, а это такъ забавно, что право тутъ сердиться не на кого!

Тутъ я одинъ виновать, и я же за это въ дуракахъ. Впрочемъ, это все равно, это мое дѣло, я съ ними сочтусь.

Онъ отправился поспѣшно домой, черезъ часъ воротился, привезъ денегъ, отправилъ и проводилъ Любашу. Она молчала и плакала, поручила другу своему дѣтей, — у нея было ихъ ужъ двое, Ваня и Анюта, — и обнимая его, всего въ другой и въ послѣдній разъ во всю свою жизнь, сказала: «Что бы ни случилось, ворочусь ли я, нѣть ли, ради Бога, обѣщайтесь мнѣ быть отцомъ моихъ дѣтей; они сироты....»

— Обѣщаюсь вамъ, Любовь Ивановна, и послѣ этого обѣта вы можете быть спокойны; развѣ меня не станетъ. Вы были мою: Богъ насъ соединилъ, люди разлучили; но на дѣтей вашихъ я смотрю какъ на своихъ.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ глядѣль Игривый вслѣдъ за исчезавшею вдали коляской, и ни одна душа изъ многолюдной дворни, проводившей любезную барыню свою до этого распутья, не нарушила какимъ-либо звукомъ продолжительное, задумчивое молчаніе Павла

Алексѣвича. Народъ уважаль его и, казалось, понималь, по какому—то безотчетному сочувствію. Пріѣхавъ домой, бѣднякъ нѣсколько успокоился, ему стало полегче; тяжелый камень, хотя временно, свалился съ плечь его; онъ быль свободенъ, онъ могъ бы ъхать вмѣстѣ съ Любашей; онъ сильно чувствовалъ потребность эту, долженъ быль даже сознаться, что и для нея это было бы наконецъ яснымъ, счастливымъ временемъ послѣ столькихъ ненастныхъ, бѣдственныхъ лѣтъ, — но онъ не хотѣлъ пожертвовать доброй славой ея и старался вести себя съ возможною осторожностью. Прислуга, чрезъ которую обыкновенно расходятся всѣ домашнія вѣсти и сплетни, не только вся была на сторонѣ Игриваго, но также была убѣждена въ чистотѣ дружбы его съ ихъ молодой барыней и изъуваженія къ нимъ обоимъ стояла за правду: въ цѣломъ уѣздѣ отношенія этой четы были извѣстны въ настоящемъ ихъ видѣ и, несмотря на всѣ толки, пересуды, сожалѣнія и шуточки, вообще все—таки знали, что Игривому и Любашѣ упрекнуть себя не въ чемъ.

Возвратившись въ одиночество свое, Павель Алексѣевичъ занялся еще прилежнѣе хозяйствомъ, особенно же старался привести въ порядокъ разстроенныхъ крестьянъ, пріобрѣтенныхъ у сосѣда, и успокоить тѣхъ, которые остались еще, заложенные и перезаложенные, за Карпушей. Шилохвостовъ продалъ весь участокъ женинъ; но не менѣе того, по тѣсной и неразрывной дружбѣ съ шуриномъ, съ которымъ у него было все пополамъ, управлять нѣкоторымъ образомъ остаткомъ его имѣнія, если только эти безтолковыя распоряженія можно было назвать управлениемъ. Игривый почти каждый день бывалъ въ Подстойномъ, присматривая за дѣтьми Любashi, и почти каждый разъ долженъ былъ успокоить крестьянъ то убѣжденіями, то кой–какими пособіями. Онъ часто не зналъ, какъ быть и что дѣлать.

Уклонившись, собственно по этому тягостному чувству, отъ добровольно–принятой имъ на себя обязанности и не побывавъ нѣсколько дней въ Подстойномъ, Игривый поѣхалъ однажды опять провѣдать малютокъ. Онъ оставилъ

ихъ до этого на рукахъ отца; а теперь, когда отецъ отправился опять вмѣстѣ съ Карпушей провожать какой–то цыганскій тaborъ на ярмарку, Павель Алексѣевичъ нашелъ дѣтей брошенныхъ почти безъ всякаго надзора. Ваня чуть–было не утонулъ, Анютѣ сердитый гусакъ чуть не выбилъ крыльями глазъ, оба не одѣты, не умыты, — а виноватаго нѣть. Бѣдные малютки такъ обрадовались Павлу Алексѣевичу, что повисли на немъ и не хотѣли отцепиться. «Останься, дядя Пау,» кричалъ одинъ: «я хочу къ тебѣ, дядя Пау,» кричала другая. «Дядя Пау» прослезился, обнялъ ихъ, посадилъ къ себѣ въ коляску и увезъ въ Алексѣвку.

Это сдѣлать было легко; но что дальше? Дѣти въ этомъ возрастѣ и безъ матери... у Павла Алексѣевича сжималось сердце, онъ понималъ что это значитъ. Наемная рука хорошо сѣчеть ребенка, но дурно ласкаетъ. Любовь матери — вотъ что ему нужно, какъ младенцу грудь ея, и если послѣдняя еще иногда можетъ быть замѣнена, то первая едва–ли.

— Я долженъ отыскать для нихъ мать, я долженъ найти такое существо, которое бы ихъ любило. Пусть она не знаетъ по французски, пусть даже будетъ и вовсе необразована, я самъ буду наставникомъ ея и ихъ, и этотъ недостатокъ во всякомъ случаѣ современемъ легко исправить; мнѣ нужна теперь для нихъ мать, въ томъ смыслѣ, какъ въ ней нуждается и щенокъ и цыпленокъ.

Удачный выборъ Игриваго паль при этомъ случаѣ на женщину, о которой мы должны сказать нѣсколько словъ.

Ко времени выпуска Любаси изъ образцового пансиона, была приготовлена для нея, по общезаведенному у насъ порядку, горничная, молодая и довольно—пригожая дѣвушка, взятая нарочно для этого покойницей Анной Алексѣевной во дворъ. Маша, — такъ ее звали, — была сирота; кроткая, добродушная и смышленая, она вскорѣ переняла все хорошее, что видѣла и слышала, и по врожденной склонности къ порядку и опрятности, даже и по наружности своей выгодно отличалась отъ прочей

дворни. Маша сильно привязалась къ барышнѣ своей, которая также полюбила ее и отъ скуки занималась ею какъ воспитанницею, припоминая пансіонскіе уроки. Любаша не скоро могла освоиться съ бытомъ деревенской барышни и не вдругъ оставила всѣ пансіонскіе обычай, привычки и мечты; безъ учителя и ученицъ, ей какъ–будто чего–то не доставало; и если она смотрѣла на всѣхъ старшихъ себя, заслужившихъ ея уваженіе, какъ на учителей и воспитателей своихъ, то младшіе и подчиненные, особенно дѣвушки, ей казались ученицами младшаго класса, о которыхъ она должна заботиться. Маша подросла, сложилась, похорошѣла, распѣвала на весь дворъ яснымъ голосомъ свонимъ перенятые у барышни романсы, или бѣжала съ рукомойникомъ подъ гору, чтобы принести своей повелительницѣ ключевой, холодной воды умыться, и громко читала наизусть «Цыгань», «Полтаву» или «Онѣгина», дѣлая, безъ всякаго дурнаго умысла, небольшія поправки, въ родѣ слѣдующей:

Въ свою деревню въ ту же пору
Помѣщикъ новый прискакаль,
По имени Владимиrъ Ленской:
Съ душою прямо—гренадерскою,
Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, и пр.

Вдругъ Иванъ Павловичъ Гонобобель, приводя однажды хозяйственныя надворныя дѣла свои въ порядокъ, распорядился выдать Машу замужъ за молодаго кучера. Возраженій на это не было... Женихъ съ невѣстой явились благодарить барина и поклонились ему въ ноги; Любаша снаряжала любимицу свою, готовила ей, сколько и изъ чего могла, приданое, была у нея на дѣвичникѣ и убирала ее подъ вѣнецъ. Разувая своего князя, Маша съ покорностью вынула изъ одного сапога два пятака, а изъ другаго плетку и подала ее молодому, припавъ сама на колѣни и поникнувъ послушно головою, хотя и обычай этотъ былъ придуманъ конечно не для нея и ей подобныхъ, кроткихъ и безотвѣтныхъ невѣсть. Сначала все шло хорошо; но, перешедъ, по смерти Гонобобеля, во

владѣніе Шилохвостова, молодой кучеръ запиль, потомъ пьяный нагрубиль барину и прибиль бѣдную Машу; потомъ разбилъ въ дребезги коляску и утопилъ лошадь, и Семень Терентьевичъ сдалъ его въ рекрутъ, получилъ квитанцію, которая, разумѣется, была продана, а деньги употреблены собственно на тотъ же предметъ, за который кучера отдали въ солдаты.

Какъ бы то ни было, но Маша не успѣла оглянуться и выплакаться за послѣдніе побои безпутнаго мужа своего, какъ осталась вдовой при живомъ мужѣ, съ первымъ груднымъ ребенкомъ. Она была незлопамятна и, позабывъ все, что переносила отъ мужа, помнила въ то время только одно, что онъ хоть лыками сшить, да ей мужъ; отчаянье ея, когда его повезли въ городъ, превосходило всякую мѣру, хотя оно, по тихому, кроткому нраву ея, и не обнаруживалось такими страстными порывами, какъ это большею частію случается въ простонародіи. Любаша плакала съ нею и за нее — но не могла пособить ей ни чѣмъ. Лишь—только Маша стала—было нѣсколько приходить въ себя, по-

корившись неизбѣжности своей участи, какъ новый ударъ поразилъ ее, едва—ли не съ большою жестокостью, чѣмъ первый. Оставшійся при ней младенецъ одинъ только и былъ утѣхой ея въ этомъ бѣдствіи; она не выпускала его изъ рукъ, и барыня ея, соболѣзнуя къ участи своей любимицы, не тревожила ея, не спрашивала съ нея работы и призывала только иногда, стараясь ее развеселить. Еслибы этотъ младенецъ былъ просто похищенъ у Маши смертью, то, конечно, и этотъ ударъ, въ такое время, былъ бы жестокъ; но случилось еще гораздо—хуже, — судьба была къ этой сирой вдовицѣ еще немилосердѣе. По обычаю, довольно—общему у насъ въ народѣ, Маша укладывала ребенка спать вмѣстѣ съ собою, на свою постель; вся сила привязанности ея сосредоточивалась теперь на этомъ младенцѣ, котораго она любила черезъ мѣру и не могла выпустить изъ своихъ объятій. Съ того дня, какъ она лишилась мужа, ребенокъ спалъ всегда при ней. Въ одно раннее утро, вся дворня была испугана внезапнымъ, дикимъ крикомъ несчастной мате-

ри; всѣ сбѣжались и съ ужасомъ увидѣли, что она держала на рукахъ своихъ — мертваго младенца. Она, какъ говорится у насъ въ народѣ, «заспала» его.

Этому новому удару бѣдная Маша не могла уже противостоять. Ее обуяло какое-то дикое отчаяніе, чуждо кроткому ея нраву. Она посягнула—было на самоубийство; потомъ состояніе это постепенно перешло въ тихую, нѣмую задумчивость, изъ которой по цѣлымъ днямъ нельзѧ было ее пробудить; одна только Любаша могла съ нею разговаривать, и бесѣда эта всегда оканчивалась обильнымъ и горькимъ плачемъ несчастной матери, что облегчало, по видимому, хотя временно, ея страданія. При видѣ какихъ—либо дѣтей, лицо ея какъ—будто прояснялось: она подымала глаза, смотрѣла на нихъ робко, но спокойно, ласкала ихъ и даже иногда улыбалась. Мало—по—малу, она по наружности нѣсколько возвратилась къ жизни, но всегда была грустна, почти не говорила, сидѣла задумавшись, прилежно работала, не пропуская ни одной службы въ церкви, гдѣ во все время

стояла на колѣняхъ и клала земные поклоны. Такъ—какъ церковь была въ Алексѣвкѣ, то Игривый встрѣчалъ ее тамъ нерѣдко, говорилъ съ нею, стараясь ее успокоить и вразумить и поселить въ ней вѣру и смиреніе, вмѣсто овладѣвшаго ею отчаянья; такимъ образомъ, по разспросамъ обѣ ней и по разговорамъ съ нею—самой, узналъ онъ ее ближе и оцѣнилъ всѣ природныя достоинства этой женщины.

Когда Игривый сталъ мысленно пріискивать для пріемышей своихъ няньку, или, вѣрнѣе сказать, вторую мать, то остановился выборомъ своимъ на Машѣ. Ему казалось, что она во всѣхъ отношеніяхъ будетъ отвѣтствовать этому выбору.

Маша встала рано утромъ смутная: она все еще жила на господскомъ дворѣ, работая, что ее заставляли, и ее за это по прежнему милосердиво кормили, когда было что есть другимъ —

Маша встала смутная, задумывалась при работе и вздыхала.

— О чѣмъ опять загрустила, Маша? спросила другая молодая женщина: — полно! ужъ сколько тебѣ говорять, что полно!

— Нѣть, Анна, отвѣчала та: — я такъ... я что-то...

— Да, ну, говори... кто тебя обидѣлъ, чѣмъ?

— Никто, Анна; кто жъ меня обидить... за что меня обижать?... нѣть... да я сонъ видѣла...

— А какой сонъ, Маша, разскажи; можетъ—стася, къ чему-нибудь... можетъ и къ добру? Ну, разскажи!

— А видѣла я, ровно еще живу въ дѣвкахъ, и пошла по воду; тутъ гляжу — башмаки лежать подъ кустикомъ; я будто и взяла ихъ, да и обулась: башмаки господскіе, сафьянны, рябенькіе, красные, а по нимъ зерна черненькія. Тутъ я будто стою по-надъ рѣкой, а на рукахъ у меня цыпленочекъ, да такой хорошенъкій, съ хохолочкомъ... я его вотъ будто стала поглаживать рукой, да и обронила въ воду. Вотъ я такъ испугалась, такъ сердце и дрогнуло во мнѣ... кинулась я за нимъ, бродила по водѣ, всю рѣчку исходила, нѣть, — такъ и пропалъ.

Я вышла на берегъ вся мокрая, да сѣла, да и гляжу, — а тутъ, отколѣ ни возьмись два голубка бѣлыхъ, ровно снѣгъ, прилетѣли да и сѣли на меня — одинъ на одно плечо, другой на другое. А тутъ я ужъ будто въ барскихъ покояхъ сижу, и платье на мнѣ не то, а бѣлое, подвѣнчное, что ли — да все закапано чѣмъ-то, ровно чернилами, вотъ будто все мухи сидятъ; а голубочки все склѣвываютъ, все склѣзываютъ пятнышки, обираютъ ихъ съ меня; а тутъ ужъ и не знаю, ровно барышня меня позвала громко... проснулась, ань только дѣдушка Маркаръ на печи кашляетъ...

— Ну, Марьушка, сказала Анна: — вѣдь это сонъ такой, что вѣдь не скоро увидишь его въ другой разъ, ей-Богу; ну, о чемъ же ты горюешь? Вѣдь это, стало быть, все къ хорошему, къ добру... это, стало быть, замужъ, что ли тебѣ приходится идти...

— Господь съ тобой, Анна, что ты говоришь это...

— Да вѣдь хорошее что-то, Маша; ну, ей-Богу, воля твоя... Степановна! а Степановна!

поди—ка сюда, пожалуйста, поди, продолжала Анна, увидавъ старуху—коровницу, знаменитую снотолковательницу: — матушка, Степановна, послушай, вотъ Маша—то все горюетъ, а сонь видѣла хороший, ей—Богу хороший, только ужъ мудреный больно, что и не разберешь... вотъ послушай...

И Степановна, присѣвъ на заваленкѣ рядомъ съ двумя молодыми бабами, сложила руки, слушала придакивая и понукая по—временамъ, а тамъ объявила, что этотъ сонъ къ добру и притомъ очень—ясень, что понять его не мудрено. — Что жъ, сказала она: — и вѣстимо, что сонъ хороший. Вотъ видишь ли: башмачки — это прошлое, это выходило тебѣ за—мужъ идти, ну и вышла; красные башмаки — веселая свадьба, а чубаренькіе — горе; вотъ оно и выпало на твою долюшку: цыпленочекъ — сынокъ твой; ну и прижила его, да и погубила — и обронила въ воду, и не нашла. А въ водѣ ходить, мокрой быть — это все слезы; и не мало жъ ихъ и было у тебя, Марьушка — вотъ и рѣка. Ну, а вотъ дальше — такъ это видно еще будетъ впе-

редъ; а что будетъ — Богу одному вѣдомо, все это одному Богу извѣстно. Голубки—то виши — кабы мужъ у тебя здѣсь былъ, такъ сказать бы, что дѣтки у тебя будуть, да и чуть—ли не двойни...

— Господь съ тобой! перебила ее Маша, перекрестившись: — что ты это говоришь, Степановна! да этого и слушать нельзя...

— Такъ погоди жь, моя красавица, дай срокъ, не перебивай; вѣдь я тебя ничѣмъ не порочу: я говорю, кабы мужъ былъ — а какъ его нѣть, ну такъ ужъ и не знаю; къ другой—ли что—ли это радости, къ вѣстямъ ли къ какимъ — не знаю, ужъ это Богу извѣстно. А что обирали они съ тебя черныя—те крапины, ну такъ это все къ добру: позабудешь старое горе по новымъ радостямъ, вотъ что. Грѣха—то вѣдь на тебѣ и нѣть, Марьушка, а вѣдь все душенька твоя померкала, хоть и нечаянно сгубила младенца, а все душа его на тебѣ... ну, вотъ, и сымутъ съ тебя голубочки грѣхъ этотъ, и Господь тебя простить...

Маша горько заплакала, а подруга ея напустилась за это на старуху:

— Ужъ ты, Степановна, Господь съ тобой — право, Господь съ тобой — говоришь Богъвѣсть что, и еще стала попрекать Машу старымъ, не жалѣючи ея, да вотъ опять и разжалобила, когда она и безъ того изнываетъ! Иди, иди, добро, къ телятамъ да къ коровамъ своимъ, слышь, по тебѣ плачутъ...

А сама стала утѣшать Марьюшку, припоминая ей одну только хорошую сторону этого сна и словъ старухи, и вслѣдъ затѣмъ принялась клясться и божиться, что все это къ добру.

Въ этотъ же день послѣ обѣда, нарочный отъ Павла Алексѣевича пріѣхалъ за Машей. Она тотчасъ же, довольно-беззаботно, собралась и поѣхала, нисколько не обеспокоенная этимъ неожиданнымъ зовомъ, потому что Игриный былъ любимъ всѣми, и ни одинъ добрый человѣкъ не чуждался его.

— Зачѣмъ бы это, думала она однakoжъ, когда телега съ нею покатила со двора; — развѣ кружевница не нужна ли Павлу

Алексѣевичу — да на что же ему? Онъ человѣкъ одинокій. Посмотримъ; вотъ близко — церковь видать изъ-за лѣсу — и перекрестясь, она спокойно стала выжидать конца.

— Маша, сказалъ онъ, когда она вошла къ нему, молча поклонилась и подпервшись локтемъ стала у дверей: — Маша, отгадай-ка, для чего я тебя позвалъ?

Маша вздохнула, потупила глаза и молвила:

— Стало-быть, вы знаете, Павель Алексѣевичъ, когда позвали; а я слуга ваша.

— Ну, однакожъ, отгадай?

— За добрымъ дѣломъ, Павель Алексѣевичъ; за худымъ не позовете.

— Такъ, правда твоя, Маша, за добрымъ дѣломъ; я позвалъ тебя за богоугоднымъ, христолюбивымъ дѣломъ. Послушай, Маша: Господь взъискалъ тебя страданіями — что жъ? на это была воля его святая; Онъ и самъ страдаль больше нашего. Но я думаю, что теперь время твоего искуса миновалось — полно же плакать, Маша — полно; слушай меня хорошенъко: я не къ слезамъ говорю съ тобою, а къ радости. Я

думаю, что если только сама теперь не откажешься отъ своего счастья, то ты будешь весела и спокойна... Слушай, Маша: Богъ далъ тебѣ опять дѣтей — и не одного, а двухъ разомъ!

Маша вздрогнула, отняла руки отъ лица — слезы текли по щекамъ ея, и она, пораженная послѣдними словами Игриваго, смотрѣла на него въ какомъ-то недоумѣніи.

— Дѣти, продолжалъ онъ, растворивъ дверь въ сосѣднюю комнату: — Ваня, Анютка, подите сюда!

Вошла женщина, которая держала на рукахъ Анюту и вела за руку Ваню.

— Вотъ это будуть покуда дѣти твои, Маша, до возвращенія нашей доброй Любови Ивановны; а тамъ, коли ты матерински призришь ихъ, чай и она ихъ у тебя не отыметь...

Теперь только Маша поняла въ чемъ дѣло: она зарыдала и кинулась обнимать и целовать поперемѣнно то Ваню, то Анюту, то самаго Павла Алексѣевича, то даже наконецъ ту женщину, которая привела дѣтей и которая была временно придана имъ вмѣсто отпущенной ста-

рой няньки. Маша кинулась къ ней поспѣшно и отъ нея хотѣла опять броситься къ дѣтямъ; но та принялась чинно целоваться съ нею, переваливая ее со щеки на щеку, и, похристосовавшись такимъ образомъ, съ важностію ей поклонилась. Наконецъ Маша упала Павлу Алексѣевичу въ ноги. Онъ поднялъ ее и спросилъ:

— Хочешь ли заступить мать у этихъ полу-сиротъ?

Маша съ трудомъ промолвила: «Хочу, хочу...», опять бросилась обнимать дѣтей, взяла Анюту и въ этотъ вечеръ уже болѣе не спускала ея съ рукъ.

Памятливая, умная и послушная, она строго слѣдовала наставленіямъ Павла Алексѣевича при воспитаніи довѣренныхъ ей дѣтокъ: она легко поняла и всегда помнила, что первымъ условіемъ при воспитаніи дѣтей есть: — не лгать предъ ними, или при нихъ, и не обманывать ихъ никакъ, ничѣмъ и никогда, ниже въ малѣйшей бездѣлицѣ. Черезъ этотъ камень преткновенія всѣхъ мамушекъ и нянюшекъ, Маша

легко перешагнула и, живучи отнынѣ съ ними и для нихъ, расцвѣла и сама опять для жизни, и грѣшную молитву свою о томъ, чтобъ Богъ скорѣе ее прибралъ, замѣнила другою, болѣе—христіанскою: о благоденствіи довѣреныхъ ей малютокъ. Заботливѣе Маши не могла быть для дѣтей и лучшая мать: а Игривый отнынѣ не только заступалъ у нихъ мѣсто роднаго отца, но сдѣлалъ гораздо—болѣе: онъ спасъ всю ихъ будущность отъ гибельнаго вліянія этого че-ловѣка. Онъ же, Игривый, былъ и первымъ на-ставникомъ и учителемъ ихъ, когда судьба впослѣдствіи возложила на него и эту обязан-ность.

Семенъ Терентьевичъ, который и самую же-нитьбу свою припоминаль иногда потому толь-ко, что считалъ себя, съ грѣхомъ пополамъ, помѣщикомъ, какимъ сдѣлался посредствомъ женитьбы — Семенъ Терентьевичъ, возвратив-шись съ послѣдней поѣздки, и не замѣтиль, въ первые дни, отсутствія дѣтей своихъ; потомъ спросиль, какъ—бы мимоходомъ:

— А что же, кажется, ребятишекъ не видать?

И узнавъ, что сосѣдъ увезъ ихъ съ собою, промычалъ что-то въ родѣ: «а!» или «мм!» и пошелъ своимъ путемъ.

Когда все это устроилось, то и Павель Алексѣевичъ ожилъ нѣсколько. Его не тяготила болѣе день за день и съ часу на часъ участъ Любashi: онъ зналъ, что она теперь весела и спокойна, что даже въ его волѣ было продлить это спокойствіе; дѣтки ея были пристроены; онъ также не ъздила болѣе въ Подстойное, не видѣла безпрестанно передъ собою этого безчинства, и теперь даже не хотѣла и слышать о томъ, что тамъ дѣлается. Онъ внезапно стала семьяниномъ, жиль не только для себя, но и для другихъ, милыхъ ему существъ, и день казался ему вдвое короче и яснѣе прежняго.

Прошло уже слишкомъ годъ, какъ Любаша была за границей; она писала Игривому, скучала по немъ и по дѣтямъ, но сама сознавалась, что здоровье ея чрезвычайно поправилось. Игривый выслалъ ей еще денегъ, написавъ ей, что

онъ получены отъ мужа ея и брата, и просиль оставаться еще за границей. Онъ сдѣлалъ это, разсудивъ, что ей возвращаться на первый случай не за чѣмъ, и что три недѣли, проведенные ею опять въ Подстойномъ, безъ сомнѣнія ненесли бы ей болѣе вреда, чѣмъ годъ, проведенный въ Теплицѣ, могъ принести пользы. Любаша писала ему на это:

«Не смѣю даже благодарить васъ — вотъ въ какое положеніе вы меня поставили! Итакъ, благодарите отъ меня мужа и брата... но что тогда, если благодарность эта, не смотря на слѣпое послушаніе мое вамъ, не дойдетъ до нихъ, а останется при томъ, кому она слѣдуетъ?... Все равно; я вамъ уже столько обязана, что считаться съ вами не могу...»

Между—тѣмъ, на взбалмошнаго Шилохвостова вдругъ напала хандра: онъ сталъ скучать по женѣ и началъ ъздить къ Игривому, чтобы видѣть дѣтей. Нѣжность эта шла къ нему, какъ къ коровѣ сѣдло — не менѣе того онъ былъ мужъ и отецъ, и никто не могъ ему запретить вздыхать и скучать по женѣ и ласкать дѣтей.

Сколько, не морщился бѣдный Павель Алексѣевичъ — а долженъ быть показывать видъ радушія при этихъ посѣщеніяхъ. Мало—по—малу, Шилохвостовъ и самъ привыкъ къ этимъ поѣздкамъ въ Алексѣвку, гдѣ его кормили и даже нѣсколько поили, тогда—какъ онъ дома нерѣдко сиживалъ посвистывая и думаль: «какъ бы теперь хорошо было съѣсть что—нибудь порядочное и запить, какъ слѣдуетъ и чѣмъ слѣдуетъ...» Онъ нашелъ, что въ Алексѣвкѣ, гостить выгоднѣе, чѣмъ жить дома, и подъ предлогомъ, что скучаетъ одинъ, что не можетъ жить безъ жены и безъ дѣтей, которые—де составляютъ единственное его утѣшеніе, — проводилъ у сосѣда цѣлые недѣли. Онъ вскорѣ тамъ до того обжился, что, повидимому, считалъ Алексѣевскую усадьбу настоящимъ мѣстомъ своего жительства. Этого мало: вообразивъ себя хозяиномъ Алексѣвки, Шилохвостовъ началъ и самъ хозяйничать тамъ — «вина! водки! рому! закуски! горькаго!» эта команда раздавалась громогласно подъ скромною кровелькой Игриваго, гдѣ ни самъ хозя-

инъ, ни люди въ домѣ не привыкли къ жизни этого рода. Вскорѣ и Карпуша, встосковавшись по другѣ своемъ, сталъ его навѣщать; затѣмъ также нашелъ, что его никто домой не гонить и тамъ дѣти по немъ не плачутъ, что наконецъ и жить на чужой счетъ выгоднѣе и удобнѣе — а потому также поселился у сосѣда и поселиль тутъ же слугу своего и кучера съ тройкой лошадей.

Истошивъ всѣ осторожные намёки, а съ тѣмъ вмѣстѣ и терпѣніе свое, Игривый наконецъ рѣшился, во что бы ни стало, очистить домъ свой отъ такого нашествія. Къ этому подаль довольно—приличный поводъ незначительный по себѣ случай: Шилохвостовъ съ Карпушей, кромѣ разныхъ безчинствъ, вздумали, для забавы, напоить пуншикомъ пятилѣтняго Ваню и прибить бѣдную Машу за то, что она вступилась и не хотѣла этого дозволить. Разобравъ и покончивъ дѣло это и давъ буянамъ проспаться, Игривый сказалъ безъ обиняковъ Шилохвостову:

— Послушай, однакожъ, любезный! ты, кажется, намѣренъ поселиться у меня совсѣмъ?

— А что? спросилъ тотъ.

— Да такъ; я бы желалъ знать мысли или намѣренія твои по этому дѣлу.

— Эхъ, любезный Павель Алексѣевичъ! ты другъ и благодѣтель нашъ — я вѣдь не то, чтобы.... я такъ, погостить думаль у дѣтей.... Ну, куда же мнѣ дѣваться, ну, посуди самъ: дома одному тоска — мочи нѣть; ты знаешь, я люблю семейную жизнь, тихую, укромную.... Ну, брани меня, я самъ знаю, каковъ я, знаю это лучше тебя.... да вѣдь дома-то, братъ, скуча, что съ души воротить.... Безтолковый Карпуша этотъ — Карпуша да Карпуша — о, да и надоѣль же онъ мнѣ....

— А между-тѣмъ, ты и сюда привель его хвостомъ за собой — и онъ также тутъ поселился....

— А чортъ ли его приводиль! Да коли хочешь, такъ я, братъ, съ удовольствіемъ вытолкаю его отсюда въ шею!

— Нѣть, не трудись; этого я не хочу; но, признаюсь, хотѣлъ бы быть у себя въ домѣ самъ хозяиномъ и господиномъ. Посуди самъ, Семенъ Терентьевичъ: мы съ тобой хоть и пріятели, но жить вмѣстѣ намъ не приходится. Пріѣзжай разъ въ недѣлю, хоть, пожалуй, на весь день — и я тебѣ буду радъ; повидаешься съ дѣтьми, побалагуришь, да и съ Богомъ до-мой. А Карпушу, сдѣлай милость, не вози ко мнѣ вовсе: онъ, чай, не соскучился ни по сестрѣ, ни по племянникамъ, ни по мнѣ — такъ ему здѣсь и дѣлать нечего.

— Такъ я дѣтей своихъ только разъ въ недѣлю и увижу?

— Это довольно, любезный; вспомни, ты по-кидалъ ихъ прежде и не на одну недѣлю: ста-ло-быть, тебѣ не идетъ теперь прикидываться такимъ нѣжнымъ отцомъ.... Ты въ этотъ день, на-примѣръ, въ воскресенье, пріѣдешь къ обѣднѣ, соберешься съ силами и останешься порядочнымъ человѣкомъ на весь день, не станешь кричать: «водки — рому — горькаго!», не станешь браниться съ людьми моими ни за что,

ни про что, оставиши въ покоѣ дѣвокъ — однимъ словомъ, покажешь отеческій примѣръ дѣтямъ, чтобы имъ не стыдно было смотрѣть отцу въ глаза; а тамъ поѣзжай съ Богомъ и дѣлай дома что хочешь.

— Богъ тебѣ судья, Павель! Да вѣдь добро наше теперь все почти у тебя въ рукахъ.

— Что же? развѣ я его взяль у васъ наѣздомъ! Развѣ ты можешь попрекнуть меня, чтобы я пріобрѣль его какими-нибудь непозволительными средствами!

— Нѣть, я этого не говорю; да вѣдь помнишь ли, не я ли спрашивалъ тебя тогда же, что кормить-де подъ старость нась дураковъ станешь?

— А вспомни, не я ли тогда же отвѣчалъ, что накормилъ бы васъ путемъ съ-молоду, а теперь лихъ-поздно?

— Правда! сказалъ тотъ со вздохомъ. — Ну, братъ, такъ прощай; да только скучно же мнѣ будетъ дома возиться съ мужиками, да съ дуракомъ съ Карпушей... Знаешь ли что? ужъ я давно обѣ этомъ подумывалъ; вѣдь пора бы

женѣ моей воротиться: надо же и честь знать; вотъ бы мы и зажили!

Съ этого времени, несчастная мысль о возвращеніи Любashi не оставляла Шилохвостова, не смотря ни на какія убѣжденія Игриваго. Соглашаясь, что онъ подлецъ и негодяй, что ему опять скоро прискучить жить съ женою, Шилохвостовъ, однакожъ, козыряль правомъ своимъ и, какъ супругъ, требовалъ жену свою налицо. Онъ до того увлекся этою несчастною мыслью, что не шутя сталъ собираясь самъ за женою, если она не послушается зова его и не прїдеть.

Что тутъ было дѣлать? Обдумавъ все, Игривый уже рѣшился—было, для спасенія бѣдной Любashi, принять къ себѣ въ домъ Шилохвостова, надѣясь отвлечь его этимъ отъ исполненія угрозы, но колебался, предвидя нескончаемую для себя муку отъ этого сожительства и, сверхъ—того еще, будучи увѣренъ, что Шилохвостовъ не въ состояніи долго жить спокойно, а, кромѣ всѣхъ проказъ своихъ, непремѣнно опять вскорѣ пріймется за старое и будетъ на-

стаивать, чтобы Любаша возвратилась. Въ этихъ заботахъ Игривый провелъ нѣсколько безпокойныхъ дней, а можетъ—быть и недѣль, какъ Шилохвостовъ, не шутя готовившійся уже въ путь, прискакалъ къ нему сломя голову, кинулся на него какъ сумасшедшій и съ крикомъ: «Дѣтки мои, сиротки мои... Павлуша мой... Боже мой...» бросился ему на шею. Онъ неистово ревѣлъ и завывалъ, такъ—что Игривый съ трудомъ только отвелъ его въ свою комнату и заперъ двери, желая устраниТЬ позорное зрѣлище это отъ прислуги. Съ отчаяннымъ движеньемъ, Шилохвостовъ выдернулъ изъ кармана письмо, подалъ его Павлушѣ, а самъ упалъ въ кресло и закрылъ лицо руками. Игривый прочиталь увѣдомленіе отъ неизвѣстнаго человѣка, какого—то нѣмецкаго доктора, что Любashi уже нѣть на свѣтѣ. Она скончалась довольно—внезапно и похоронена въ Теплицѣ, успѣвъ однакожъ написать еще приложенное завѣщаніе, которымъ передаетъ все имѣніе свое мужу и умоляеть его быть отцомъ своихъ дѣтей, но предоставить воспитаніе ихъ Игривому, если

только Павель Алексѣевичъ просьбы ея не отринеть.

Съ сожалѣніемъ и презрѣніемъ смотрѣлъ Игривый на этого безпутнаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, который рвалъ на себѣ волосы съ отчаянья по женѣ, между тѣмъ, какъ самъ же отравилъ все бытіе ея. Теперь Любаша была, по словамъ Шилохвостова, и другъ его неоцѣненный, и любовь его, и радость, и ангель-хранитель... Теперь, наконецъ, уничиженіе этого человѣка дошло до того, что онъ не находилъ словъ для выраженія браніи, которою бы могъ достойнымъ образомъ поносить себя... Къ вечеру, Семенъ Терентьевичъ привель себя, съ горя, въ такое отчаянное положеніе, что былъ отправленъ домой въ безпамятствѣ; кучерь, привезя его домой, долго кричаль людямъ: «Да возьмите, что ли, барина-то! долго ли ему тутъ лежать? Вѣдь я коляску-ту задвину въ сарай; ночью дождь будетъ....»

Поутру, Шилохвостовъ съ трудомъ только сообразилъ вчерашнія похожденія свои, послаль записку къ Игривому, умоляя его прислать хоть

50 рублей, и поѣхалъ, для разсѣянія, покутить въ ближайшій городъ.

Не станемъ теперь слѣдить за всегда–ровною и одинаковою жизнью Шилохвостова и Карпуши, которые, какъ мы видѣли, никогда не стѣснялись какими–либо узами долга и приличія, а теперь и подавно хояйничали на просторѣ, такъ–что всѣ сосѣди покачивали головой и съ нѣкоторымъ беспокойствомъ пророчили, что все это *чѣмъ–нибудь* да кончится. Опасеніе, которое выражалось въ этомъ двусмыслии въ *чѣмъ–нибудь*, было не безъ основанія, и конецъ вылился изъ дурныхъ дурной.

Шилохвостовъ быль уже круглый бобыль; онъ давно промоталь все женино имѣніе и жиль нахлѣбникомъ на кроахъ у шурина, надъ которымъ пріобрѣль такую власть, что командовалъ и управляль всѣмъ. Люди ненавидѣли его, какъ «врага рода человѣческаго», во–первыхъ, потому–что считали его, не безъ основанія, соучастникомъ въ окончательномъ разореніи вотчины, а во–вторыхъ, за развратную жизнь, въ

**которой онъ постоянно былъ наставникомъ
Карпуши...**

Карпуша поѣхалъ куда-то на недѣльку одинъ, а Шилохвостовъ остался дома. Соскучась сидѣть и пить, онъ велѣлъ осѣдлать коня и поѣхалъ въ поле. Прошло часа два или три, какъ вдругъ на барскомъ дворѣ сдѣлалась тревога, стали сбѣгаться люди со всѣхъ концовъ села, и вскорѣ сбѣжалось все село, старъ и малъ, мужики, бабы и дѣти.

— Что тамъ такое, Тимоша? спросилъ едва-
движущійся старикъ съ печи или съ палатей
барской людской, когда въ двери вбѣжалъ мо-
лодой парень и сорвалъ поспѣшно съ гвоздя
кафтанъ свой и шляпу: — чего тамъ народъ
сбѣжался ровно на пожаръ? ась? не слышу!

— Да ничего, дѣдушка Макаръ; поди-ка, погляди: гнѣдой гостинца привезъ.

— Какой гнѣдой? какого гостинца?

— А привезъ барина, Семена Терентьича.

— Ась? привезъ барина? ну, что жь за диво?

— Да, что за диво! поди, погляди, дѣдушка: диво—то такое, что поѣхаль баринъ на конѣ, а пріѣхаль подъ конемъ; вотъ и диво. Крестись, дѣдушка, да молись: Богъ прибралъ его.

Сказавъ это, Тимоша выбѣжалъ опять изъ избы; старикъ перекрестился и прочель молитву, а между—тѣмъ полѣзъ, кряхтя, съ печи. Вышедъ на дворъ, онъ замѣтилъ, что здѣсь собралось все село. Пробравшись съ трудомъ въ средину толпы, онъ увидѣлъ осѣдланную верховую лошадь Семена Терентьевича, который лежалъ, неживой и въ обезображенномъ видѣ, на землѣ, а одною ногой висѣлъ въ стремени. Лошадь была въ поту и въ мылѣ, вся дрожала и фыркала; староста держалъ ее подъ уздцы, а самъ тужилъ и горевалъ вслухъ о томъ, что не знаетъ, какъ теперь быть и что дѣлать: онъ разослалъ уже конныхъ за исправникомъ, за Павломъ Алексѣевичемъ и другими, но сомнѣвался, чтобы земская полиція могла вскорѣ прибыть, а между—тѣмъ не смѣлъ прикоснуться до того къ

покойнику, и въ то же время недоумѣвалъ, какъ удержать бѣшеную лошадь въ этомъ положеніи и не дать ей освободиться отъ трупа. Бѣдный староста стоялъ блѣдный, разстроенный, трякаль, почесывалъ у себя затылокъ, оглядывался, тужилъ и горевалъ, между тѣмъ, какъ лошадь хралъ, дрожала всѣмъ тѣломъ, оглядывалась и рвалась то въ бокъ, то въ сторону. Народъ стоялъ молча, то перешептываясь между собою, то опять поглядывая на страшное зрелище, и ждалъ, чѣмъ все это кончится.

Когда, наконецъ, судъ выѣхалъ и произвѣлъ слѣдствіе, то обнаружилось только ровно то, что мы сейчасъ описали: Шилохвостовъ поѣхалъ живой, но вполпьяна, и лошадь принесла его убитаго въ стремени. Судъ заключилъ, что Шилохвостовъ быль сбить лошадью, повисъ одной ногой и такимъ-образомъ затащенъ до смерти.

Крестьяне Подстойнаго давно уже были разутые и раздѣтые бобыли: съ нихъ поживиться было не чѣмъ, какъ вѣдомо было всякому; раз-

судили, что не стоить заводить дѣла и шумѣть изъ—за пустяковъ, и потому предали его волѣ Божіей.

Услышавъ объ этомъ происшествіи на чужбинѣ, Карпуша какъ—будто немного опомнился. При всей бутылочной храбрости, у него однажды подкосились—было ноги и языкъ онѣмѣль. Онъ вспомнилъ, что говорили ему не разъ сосѣди и что пророчила какая—то темная молва, и разсудилъ, что коли зять его теперь «пристроенъ», то о немъ заботиться нечего, а надобно—де подумать о себѣ. Убѣдившись, что онъ теперь остался на свѣтѣ одинъ, горемычнымъ сиротою, безъ наставника и товарища, съ которымъ такъ свыкся, Карпъ Ивановичъ сдѣлался малодушнымъ и горько заплакаль. Онъ струсилъ до того, что даже не рѣшалсяѣхать въ вотчину свою и долго не зналъ, что дѣлать. Наконецъ, Богъ его надоумилъ.

Павель Алексѣевичъ сидѣлъ послѣ обѣда на своеемъ диванчикѣ, Ваня и Анютка лазили по немъ, а Марья Кондратьевна, то—есть Маша, стояла съ веселою улыбкою передъ нимъ и уго-

варивала дѣтей, загрязнившихся въ пескѣ, надѣть другія платьица; Ваня шагалъ на плечо дяди Пау и не хотѣлъ разстаться съ алой рубашенкой, а Анюта тянулась вслѣдъ за нимъ и также повторяла: не, няня, ни, ни! Въ это время коляска прокатила мимо оконъ; Игривый узналъ ее тотчасъ, всталъ и встрѣтилъ Карпушу.

— Павель Алексѣевичъ! Бѣда! спаси! проговорилъ онъ, и началъ его крѣпко обнимать.

— Какого жъ ты чаешь отъ меня спасенья?

— Да я услышалъ вотъ — меня не было дома — я вотъ вчера только узналъ, и не могу еще опомниться.... ты былъ тамъ?

— Былъ.

— Что жъ, правда?

— Я не знаю, что ты называешь правдой: — покойникъ стоить здѣсь въ церкви — завтра похороны.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой.... но вѣдь говорять, будто....

— Это говорятъ; но видно слухъ при розыскѣ не подтвердился: судъ не изъявилъ подозрѣній и разрѣшилъ уже погребеніе.

— Какъ ты думаешь, что же мнѣ сиротѣ теперь дѣлать?

— Идти дальше тѣмъ же путемъ: примѣръ въ глазахъ.

— Ахъ, Павель! и ты можешь теперь такъ шутить....

— Я не шучу, Карпуша, я говорю только горькую истину.

— Да что же мнѣ дѣлать теперь? не опасно ли мнѣ будетъ воротиться домой и жить тамъ?

— Этого я не знаю. Это ты самъ долженъ знать лучше.

— Послушай, Павель, я рѣшился: ради Бога, развязи меня съ Подстойнымъ совсѣмъ — и много ли тамъ его осталось? Возьми все, оцѣни самъ — дай мнѣ уголь у себя — я туда не поѣду....

— Если хочешь продать мнѣ остатки твоей вотчины — изволь, я покупаю, и могу дать тебѣ цѣну выгоднѣе другихъ, потому-что мнѣ покупка эта сподручнѣе другаго. Ноугла я тебѣ у себя въ домѣ не дамъ; на этомъ не взыщи.

— И тебѣ не грѣшно, Павель? за что же ты такъ со мною обходишься?...

— Ты не такъ спрашиваешь: *за что*, это походить на то, будто я хочу тебя наказать за прошлое, или мстить тебѣ; а этого за мной нѣтъ. Но спроси *почему*, или для чего я тебѣ отказываю въ пристанищѣ, и я тебѣ скажу не обинуясь, что намъ съ тобою жить подъ одной крышей нельзя. Разсуди самъ: мы смотримъ врознь; общаго въ родѣ жизни нашей нѣтъ ничего; мы другъ для друга не годимся.

— Да куда же мнѣ дѣваться? спросилъ жалкимъ голосомъ Карпуша, который, лишившись вожака своего и наставника, быль безъ него, какъ безъ головы.

— Немножко—поздно задаешь ты себѣ этотъ вопросъ — я думаю денегъ тебѣ станеть на годъ веселой жизни; тогда опять спросишь кого—нибудь: куда дѣваться; можетъ—быть, посовѣтуютъ лучше меня.

Отчаянный Карпуша сдѣлался смиренъ и кротокъ какъ ягненокъ; онъ упросилъ Игриваго позволить ему погостить у него только до упла-

ты денегъ, обѣщаясь выѣхать въ тотъ же день, когда дѣло будетъ кончено, — послалъ домой за платьемъ и кой-какими вещами и черезъ недѣлю отправился, самъ не зная куда. Никто не слышалъ и въ—послѣдствіи о томъ, куда молодой Гонобобель дѣвался; а потому мы прощаемся съ нимъ навсегда: онъ пропалъ безъ вѣсти, для насъ, какъ и для прочихъ.

Выпроводивъ отъ себя благополучно несчастнаго Карпушу, который при всемъ отчаяніи и малодушіи своею бушеваль, сердился, плакаль, банился и напивался пьянь съ горя и никому въ домѣ не даваль покоя, Игривый зашелъ къ дѣткамъ. Это было вечеромъ; они уже спали; а Маша сидѣла за грамотой и что-то такъ прилежно выписывала, что даже не слышала, какъ баринъ вошелъ, и вдругъ торопливо привстала. Взглянувъ на лежавшій передъ нею листокъ, онъ прочиталъ: помяни Господи во царствіи твоемъ рабовъ твоихъ: Ивана, Семена, Кондратія, Ивана, Анну, Любовь, Марію. Что ты это пишешь, Маша? что за поминовеніе?

— Хочу подать въ церковь, Павель Алексѣевичъ, по родителямъ — чтобъ поминали ихъ.

Игривый еще разъ взглянуль на листокъ и спросиль: Да кто же это? Кондратій отецъ твой — а прочіе?

— А тутъ матушка покойница, да покойные господа. Любовь Ивановну голубушку я уже приписала въ Покровъ — а теперь вотъ сѣла — было приписать и Семена Терентьевича.... а это сыночекъ мой... Карпа Ивановича да мужа своего я записать не посмѣла: Богъ—вѣсть, вѣдь можетъ статься они еще и живы гдѣ—нибудь...

Привязанность эта и незлопамятность, даже относительно самого Шилохвостова, тронула Игриваго. Подумавъ немного, онъ сказалъ:

Ну, Маша, ужъ коли такъ, то вычеркни еще одно имечко изъ тѣхъ, что написала.

Маша глядѣла на него ничего не понимая.

— Да, да, Маша; вычеркни еще одно имя; тутъ у тебя записанъ живой, или живая: Любовь Ивановна жива и здорова: — слышишь, она жива, Маша!

Маша зарыдала и бросилась Павлу Алексѣевичу въ ноги. Онъ подняль и обняль ее и вскорѣ успокоилъ, разсказавъ, что Любаша дѣйствительно жива и никогда не думала умирать; что вѣсти въ то время пришли ложныя, а теперь получилъ онъ отъ нея—самой письмо. Опомнившись, Маша пошла крестить спящихъ малютокъ и сама молилась, не зная куда отъ радостныхъ слезъ дѣваться.

Объяснимъ теперь въ двухъ словахъ недоумѣніе читателей. Любаша точно не думала умирать, но и слуховъ о смерти ея до Павла Алексѣевича не доходило: все было придумано имъ въ крайности, когда сумасшедшій Шилохвостовъ вдругъ стала настаивать, чтобы она непремѣнно воротилась и до того взбѣленился, что готовъ былъ Ѳхать за нею самъ. Не видя никакого спасенія для Любashi, Игривый написаль ей обѣ этомъ поспѣшно, присовокупивъ, что ей ничего не остается, какъ сказаться мертвовою. Онъ совѣтовалъ ей попросить кого—нибудь изъ надежныхъ знакомыхъ ея написать горестную вѣсть эту прямо мужу и въ то же

время увѣдомить о томъ его, Игриваго. Все это, какъ мы видѣли, было во-время исполнено, и тайна сохранилась до настоящаго времени.

Теперь Игривый вздохнулъ еще свободнѣе. Онъ терялся въ размышленіяхъ и самъ едва могъ повѣрить всѣмъ перемѣнамъ, которыя произошли въ глазахъ его. Все то, что столько лѣтъ томило его, отравляло всю его жизнь, все, что, казалось, тяготѣло вѣчнымъ, пожизненнымъ бѣдствиемъ надъ несчастной Любашей — все это исчезло какимъ-то волшебнымъ ударомъ съ лица земли: — Шилохвостова нѣть, и уже нѣть навсегда; онъ не съ цыганами кочуетъ по ярмаркамъ, онъ не возвратится уже оттуда избитымъ и оборваннымъ, промотавъ лошадей, коляску и сюртукъ съ плечь своихъ — онъ выбылъ навсегда, и никто на этомъ свѣтѣ его болѣе не увидитъ. Любаша свободна; ей только дадѣть три года — а Подстойное обратилось въ собственность Павла Алексѣевича, того самаго рабкаго, молодаго человѣка, который такъ недавно еще стоялъ какъ ошалѣвшій передъ покойнымъ Иваномъ Павловичемъ, когда этотъ, въ при-

существіи всей семьи своей, хохотать до слезъ и кричаль въ уши ему: «Съ праздничкомъ, сосѣдъ, а дѣвки—то ужъ нѣть; выдали, братъ, выдали, вотъ за проѣзжаго молодца....» А теперь уже не было на свѣтѣ ни самого Ивана Павловича, который съ такимъ торжествомъ возглашаль побѣду свою, ни старушки Анны Алексѣевны, которая съ недовольнымъ и озабоченнымъ видомъ слушала громогласные возгласы своего почтеннаго сожителя, ни даже этого знаменитаго проѣзжаго молодца, какъ—будто кинутаго судьбою поперегъ пути всѣмъ добрымъ людямъ, которымъ суждено было гдѣ—нибудь и когда—нибудь съ нимъ столкнуться....

Игривый продолжаль еще нѣсколько мѣсяцевъ спокойно свой родъ жизни, увѣдомивъ съ осторожностью Любашу о томъ, что въ отсутствіи ея случилось, и успокоивъ ее на—счетъ дѣтей. Отвѣты ея приходили какъ—то чрезвычайно—медленно, и Павель Алексѣевичъ замѣчаль въ нихъ какой—то странный, небывалый оттѣнокъ.... Письма Любashi оставляли въ немъ съ нѣкотораго времени такое впечатлѣніе,

будто она не досказываетъ чего-то, будто у нея на душѣ остаются какія-то завѣтныя чувства и думы. Разсуждая объ этомъ самъ съ собою, онъ задумавшись пересчиталъ по пальцамъ, что по смерти Шилохвостова прошло уже полгода — а за тѣмъ поднялъ голову и спросилъ мысленно у самого себя, чего онъ теперь еще сидить на мѣстѣ и почему бы ему неѣхать за границу, пасть подругѣ своей въ Маріенбадѣ какъ снѣгъ на голову — и посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ дальше. Надобно быть такимъ чудакомъ, какъ я — подумалъ онъ улыбнувшись, чтобы давно уже не сдѣлать этого; єду. Зима не удержитъ меня, я єду не лечиться; весной воротимся...

— Ну, Маша, сказалъ онъ, когда стала готовиться въ путь: — я покину тебя съ ребятишками мѣсяца два, либо три; я поѣду за вашей барыней. На тебя оставляю ихъ: помни, что ты имъ мать, взамѣнъ родной.

— Вы меня воскресили, Павель Алексѣевичъ, отвѣчала веселая Маша, которая весь день яснымъ голосомъ своимъ распѣвала

пѣсеньки съ дѣтьми: — оть вашихъ приказаній я ни шагу; а дѣтки, сами знаете, и своихъ—то, можетъ статься, не съумѣла бы такъ полюбить, какъ этихъ....

Приведя хозяйство свое въ порядокъ на время отсутствія, Игривый сдѣлалъ также нѣсколько неоколичественныхъ распоряженій, чтобы убрать у себя въ домѣ комнаты и изготовить немного мебели. — Вотъ эти синіе стулья, говорилъ онъ своему Ивану: — выкрасить хоть въ бѣлую краску — они пообтерлись, а это будетъ поопрятнѣе; ихъ можно будетъ поставить въ залу; а мой стулъ, съ шитымъ чехломъ (работы Любashi), прибереги, чтобы его безъ меня не таскали.

Расцѣловавъ дѣтей и строго приказавъ имъ слушаться няни, Игривый въ хороший зимній день покатиль со двора.

— Я, благодаря Бога, здоровъ и Ѳду не лечиться, повторилъ онъ про—себя, улыбаясь, не подозрѣвая того, что онъ точно не здоровъ и что именно Ѳдетъ лечиться....

Въ небольшомъ, но очень—благовидномъ мѣстечкѣ живописной Богеміи, стояль укромный домикъ ратсгера, по нашему — гласнаго, хотя бы и гораздо—правильнѣе было называть этого гласнаго безгласнымъ, — и въ домикѣ этомъ, внизу, жиль самъ хозяинъ, а вверху постояльцы. Черепичная кровля была припудрена снѣгомъ; нагіе сучья деревъ виднѣлись черезъ опрятно—окрашенный заборъ; по улицѣ казалось пусто, потому—что въ городкѣ не доставало нѣсколькихъ тысячъ лѣтнихъ посѣтителей. Кто бываль тамъ, помнить, вѣроятно, въ числѣ обыкновенныхъ прогулокъ, такъ—называемую мельницу, Амальину—Гору, деревню Аушовицъ, лѣсничій домъ Кенигсварть и развалины Фраунбергъ. Все это хорошо лѣтомъ, когда притомъ съѣзжаются въ это мѣстечко люди со всѣхъ концовъ свѣта, кто по рецепту доктора, кто отъ скуки, кто для поживы; но въ домикѣ, о котормъ мы упомянули, гости остались и на зиму. Они занимали три комнаты; заглянемъ прямо во вторую. На небольшомъ диванѣ сидить чета: молодая, прекрасная женщина, которой наруж-

ность теперь не станемъ описывать подробнѣе, и мужчина, нѣсколько—постарѣе ея, но также довольно—благовидный, хотя и бѣлокуръ до та-
кой степени, что съ перваго взгляда можно до-
гадаться о норманскомъ его происхожденіи. Женщина со вниманіемъ читаетъ книгу, накло-
нившись впередъ и положивъ руку на плечо
мужчины, который, окинувъ руку вокругъ гиб-
каго стана своей подруги, облокотился другою
рукою на столь, и, внимательно слѣдя за
ченіемъ молодой женщины, по—видимому по-
правлять иногда произношеніе ея и объясняетъ
ей нѣкоторыя слова. Вслушавшись нѣсколько въ
эти звуки, мы тотчасъ можемъ убѣдиться, что
не ошиблись въ родинѣ бѣлокураго учителя:
они читаютъ книжку датскую или шведскую.
Учитель, глядя нѣсколько времени пристально
въ лицо ученицѣ своей, забылся и не поправ-
лялъ ея, хотя она, запнувшись, тщетно пыта-
лась произнести какое—то мудреное слово на
два или на три лада; она взглянула на него; голубые глаза ихъ встрѣтились на разстояніи
нѣсколькихъ вершковъ; онъ отрывисто поца-
ло-

валь оба глаза своей подруги, и сказалъ: «точка; смеркается, другъ мой; испортишь эти дорогіе глазки: береги ихъ.»

Она сложила книгу, улыбнулась и спросила по нѣмецки:

— Ну, что, скажи мнѣ правду, выучусь ли я когда-нибудь этому трудному языку?

— Да вѣдь ты же говоришь и теперь уже довольно свободно; чего же тебѣ еще? Мы познакомились съ тобой въ маѣ, помнишь? а ты стала учиться въ августѣ — всего пять мѣсяцевъ!

— Но мнѣ бы хотѣлось чище произносить; нѣть ничего хуже, когда кто коверкаетъ языкъ, не умѣя выговаривать слова, какъ должно.

— Еще полгода, отвѣчалъ онъ: — и никто не повѣритъ, чтобы ты была иностранка, которая теперь только начала заниматься чужимъ ей языкомъ. Божусь тебѣ, я не постигаю, какъ ты съ первого раза вѣрно и чисто стала произносить наши двугласныя, которыхъ нѣть въ другихъ языкахъ и кажется всего менѣе въ вашемъ.

— Ты мнѣ часто это говоришь, сказала она весело: — но ты не льстишь мнѣ и не шутишь?

— Нѣть, другъ мой, никогда ты отъ меня этого не дождешься: развѣ ты не видишь, что я каждый день радуюсь твоимъ успѣхамъ? Знаешь ли что? одни только русскіе могутъ перенять такъ скоро и вѣрно чужой языкъ, и этому двѣ причины: во—первыхъ, полногласность собственного ихъ языка; во—вторыхъ, общій обычай учить дѣтей двумъ, тремъ языкамъ: послѣ такого навыка не мудрено поддѣлаться подъ всякое произношеніе.

— Ну, спасибо тебѣ, что ободряешь меня, сказала она на языкѣ своего учителя, который отъ радости бросился ее обнимать. —

Поцаловавъ его, она съ кротостію отвела его руку и вставъ, подошла къ окну. Стройный ростъ, гибкій станъ и пышная круглота членовъ обозначились во всей ихъ красотѣ; свѣжее лицо дышало миловидностью, а русые, пепелистые волосы обращали на себя вниманіе необыкновеннымъ для этого цвѣта волосъ свойствомъ, —

слегка курчавиться; приглаженные по обѣ стороны пробора, они сбѣгали легкой волной.

— Холодненько, сказала она, подошедъ къ желѣзной печкѣ на курьихъ ножкахъ и съ вычурными балкончиками: — у насъ въ Россіи теперь теплѣе!

— У васъ теплѣе? спросилъ изумившись мужчина.

— Да, потому—что у насъ теплые печи; у меня была, въ моей комнатѣ, печь изъ синихъ изразцовъ, то—есть съ синими узорами; бывало, мой Ваня разбираетъ цвѣточки на нихъ, а сосѣдъ нашъ, — ты знаешь, нашъ добрыйсосѣдъ? — разсказываетъ ему, гдѣ фіалка, гдѣ незабудка... Она замолкла, опустила взоръ и стояла нѣсколько секундъ въ этомъ положеніи...

Тукъ, тукъ, тукъ... молоточекъ, замѣняющій нашъ звонокъ, ударила въ двери и горничная пошла отпирать. Кто—то вошелъ, и чужой голосъ спрашивалъ о чѣмъ—то дѣвушку. Хозяева стали прислушиваться, — она, женщина, которую мы описали, едва только выглянула въ первую комнату, какъ вскрикнула и рухнулась,

будто пораженная молніей, на поль. Другъ ея вскочилъ въ сосѣдней комнатѣ съ дивана и кинулся къ ней на помощь; тоже сдѣлалъ вошедшій съ противной стороны посѣтитель, и оба, встрѣтившись надъ лежащей въ обморокѣ молодой женщиной и едва взглянувъ только другъ на друга мелькомъ, поспѣшно приподняли вмѣстѣ обмершую и осторожно положили ее на диванъ.

Лиши—только она стала немного приходить въ себя, какъ неизвѣстный посѣтитель отошелъ въ сторону, чтобы она его не видала, и, поставъ немного, чтобы удостовѣриться въ возвращеніи ея къ жизни, вышелъ тихонько въ двери и спустился по лѣстницѣ. По послѣднимъ ступенькамъ шелъ онъ какъ—то невѣрно, покачиваясь, а внизу остановился, придерживаясь обѣими руками; наконецъ, онъ невольно присѣль, гдѣ стояль, прислонившись головой къ периламъ. Въ эту минуту выглянула изъсосѣднихъ дверей пожилая женщина, посмотрѣла на чужаго и, сказавъ: «ахъ, Боже мой, что съ вами? вы больны, вамъ дурно»,

позвала еще женщину на помощь, подала ненужному стаканъ воды, а когда онъ нѣсколько оправился, то просила его зайдти отдохнуть, сожалѣя и извиняясь, что мужа ея, гласнаго, теперь нѣть дома.

— Мы васъ видѣли, сказала старушка, когда она усадила Павла Алексѣевича Игриваго на большія кресла: — мы вѣдь видѣли, когда вы пошли наверхъ; но скажите, ради Бога, что съ вами сдѣлалось, и что дѣлается тамъ? Я говорю, мы видѣли васъ, а потомъ услышали на верху, у постояльцевъ нашихъ, стукъ, какого никогда прежде тамъ не бывало; мы послали туда девку узнать, что тамъ сдѣлалось, и слышимъ, вотъ сейчасъ, что мадамъ Шильвакъ сдѣлалось дурно; я и хотѣла—было заглянуть туда, думаю, не нужно ли какой помощи, выхожу, да тутъ и вижу васъ. Такъ это съ вами случилось? и какъ же они васъ такъ отпустили?

Игривый доволенъ быль многорѣчивостью старухи, потому—что могъ въ это время молчать и сидя спокойно отдыхать; но когда она наконецъ въ свою очередь замолчала и ожидала

отвѣта на вопросъ свой, то онъ не зналъ что отвѣтить на все это; онъ едва могъ только опомниться, что и съ кѣмъ и гдѣ онъ — такъ все это неожиданно на него накинулось — а чтобы у него въ глазахъ позеленѣло, чтобы зашумѣло въ ушахъ и голова пошла кругомъ — такъ этого съ нимъ еще и отроду не бывало. Онъ однажды собрался съ силами и отвѣталъ:

— Да, я поступилъ немного неосторожно — и ее напугалъ и самъ перепугался. Я привезъ этой дамѣ очень—горестную для нея вѣсть о смерти близкаго ей человѣка — и она такъ была этимъ испугана, что ей сдѣлалось дурно...

— Ахъ, Боже мой, скажите!.. Что жъ ей лучше теперь?

— Да, она уже пришла въ себя.

— А вы вѣрно также родственникъ ея? Вы изъ Россіи?

— Да, я изъ Россіи. Скажите, давно эта дама у васъ живеть?

— Давно; она уѣзжала раза три въ Теплицъ и еще въ Прагу и другія мѣста, но, возвращаясь, всегда опять у насъ останавливалась. Пре-

красная дама, предобрая! Съ—тѣхъ—поръ, какъ мужъ ея пріѣхалъ, они живуть у нась — вотъ ужъ третій мѣсяцъ.

— Такъ это мужъ ея — я его вѣдь не знаю; кажется, его у нась, т. е. на родинѣ нашей, не было...

— Да, мужъ; это также пріѣзжій, человѣкъ ученый, профессоръ — они видно познакомились гдѣ—нибудь здѣсь, по близости — или въ Прагѣ; да, кажется въ Прагѣ.

— Но вы знаете навѣрное, что это мужъ ея? Я не успѣлъ спросить ее объ этомъ — да и не было для этого времени.

— Да, это ея мужъ; такъ они по—крайней—мѣрѣ говорять и почему жъ въ этомъ сомнѣваться? они хорошие люди оба. Съѣздивъ въ Прагу, мадамъ Шильваксъ сказала намъ, что получила письмо отъ мужа и что онъ скоро будетъ; вслѣдъ за тѣмъ онъ и пріѣхалъ. Да, она добрая, хорошая женщина, прекрасная женщина; мы вѣдь знаемъ ее здѣсь давно.

— Однакожъ, я отдохнуль и мнѣ пора идти, сказалъ онъ, услышавъ надъ хозяйствкою комна-

той опять какое–то движеніе: — прощайте, благодарю вась — извините — не взыщите за беспокойство...

Удушливъ показался ему воздухъ на улицахъ Маріенбада; зимнее угрюмое солнце заткало свѣтлую обитель свою сѣрыми тучами; съ сосѣднихъ горъ тянулись грядами облачка, ополчаясь противъ вѣдра и угрожая ненастьемъ. Игривый шель скоро; ему безпрестанно казалось, будто за нимъ кто–то гонится, будто его зовутъ; онъ бѣжалъ, придумывая, куда бы ему укрыться; наконецъ запыхавшись остановился, поднесъ руку ко лбу, перевель духъ и замѣтиль, что голова его очень–тяжела и все еще идетъ кругомъ, а въ ушахъ свистъ и гуль. Онъ оглянулся — за нимъ все было пусто. Взглянувъ на проскакавшую мимо его почтовую коляску, онъ какъ–будто вспомниль что–то и бросился опять бѣглымъ шагомъ впередъ.

Но посмотримъ, что дѣлаетъ Любаша, опомнившись послѣ обморока, потому–что мадамъ Шильваксъ, какъ называла ее хозяйка, переиначивая по–своему прозваніе Шилохвостовой,

была не иной—кто, какъ сама Любаша. Открывъ глаза и облегчивъ удрученную грудь свою нѣсколькими глубокими вздохами, она долго смотрѣла какъ спросонья, оглядываясь кругомъ, будто чего—то искала и припоминала и, не смотря на нѣжныя лобызанія своего друга, не скоро еще окончательно пришла въ себя. Другъ или мужъ ея, кто бы онъ ни былъ, послѣ многихъ усилий и стараній, съ трудомъ могъ привести ее въ чувство, и тогда только наконецъ обильныя слезы облегчили ея томленіе.

— Зачѣмъ же онъ ушелъ? куда онъ дѣвался? говорила она: — это человѣкъ, который сдѣлалъ мнѣ больше добра, чѣмъ мои родители, котораго я уважаю болѣе, чѣмъ кого—либо въ мірѣ! Я хочу, я должна его видѣть... не—уже—ли онъ не воротится? я хочу его видѣть и сказать ему все и выслушать все отъ него, что бы онъ ни сказалъ, сколько бы упрековъ онъ мнѣ ни сдѣлалъ... я не перенесу только одного: его презрѣнія!

Датчанинъ поцѣловалъ у ней руку, взяль шляпу и обѣгалъ весь Маріенбадъ, но нашель

только свѣжій, едва простывшій слѣдъ того человѣка, котораго искалъ: Игривый уже уѣхалъ и никто не зналъ куда; хозяину сказалъ онъ, что по спѣшнымъ дѣламъ немедленно уѣзжаетъ въ Россію. Датчанинъ вздохнулъ, отеръ потъ съ лица и безнадежно побрель домой. Любаша была сильно поражена и встревожена этимъ извѣстіемъ; она долго разсчитывала что–то по пальцамъ, спрашивая мужа: такъ ли? и наконецъ, сказала: нѣтъ, онъ не могъ еще получить моего письма — онъ не зналъ еще ничего, и — и — о, какъ я передъ нимъ виновата!.. и накрывъ опять лицо руками, горько заплакала.

Спустя нѣсколько дней, которые показались бѣдной Любашѣ годами и въ—продолженіе которыхъ мужъ ея тщетно искалъ Игриваго съ утра до поздней ночи, крестьянинъ принесъ ратсгеру письмо на имя Любashi и самъ тотчасъ удалился. Она узнала надпись, сильно—взволнованная разорвала обертку и принялась читать:

«Любовь Ивановна».

Она невольно вздрогнула и, переведя духъ, продолжала:

«Послѣ нѣсколькихъ бурныхъ дней, я наконецъ опять завладѣлъ собою и, кажется, могу говорить спокойно. Дайте жъ мнѣ высказать вамъ все, что у меня есть на душѣ; позвольте мнѣ разъяснить себѣ самому все это на бумагѣ... я въ этомъ нуждаюсь — чувствуя, что письмо будетъ длинно — не пеняйте за это — оно, вѣроятно, послѣднее.

Я виновать передъ вами вдвойнѣ: во—первыхъ, я слишкомъ—неожиданно явился передъ вами, не испросивъ на это вашего согласія; во—вторыхъ, вѣроятно, не менѣе растревожилъ васъ и тѣмъ, что такъ внезапно скрылся, покинувъ васъ почти прежде, чѣмъ вы опомнились отъ первого испуга. Но зачѣмъ же этотъ испугъ? къ—чему или отъ—чего онъ? Съ вами, Любовь Ивановна, я могу только говорить, какъ съ самимъ—собою — или я долженъ молчать... но я буду говорить... я объясняю себѣ то, что съ вами сталося, такимъ—образомъ: всѣ женскія чувства ваши были нѣкогда принесены на жертву и — попраны недостойнымъ образомъ; вамъ не дали узнать той любви, безъ

которой такая женщина, какъ вы, существовать не можетъ. Дружба ваша ко мнѣ и преувеличенная признательность за мое сочувствіе, — позвольте мнѣ высказать все, для меня это необходимо — эта дружба и признательность сдѣлались, можетъ—быть, господствующими въ васъ чувствами и, при угнетенномъ положеніи вашего духа, удовлетворяли васъ — за неимѣніемъ лучшаго; сердце ваше могло иногда хотя нѣсколько согрѣться среди этого холода, отъ котораго костенѣли ваши члены и остывала кровь... Но — птичка въ клѣткѣ и птичка на волѣ, на просторѣ — не одно и тоже. Все ожило въ васъ, когда вамъ дозволено было вспорхнуть и оглянуться на свободѣ; силы возвратились, грудь вздохнула глубоко, сердце забилось сильнѣе — и земное потребовало земнаго, а небесное небеснаго. Встрѣча въ такое время съ человѣкомъ, который достоинствами своими затмилъ передъ вами многихъ, а можетъ—быть и всѣхъ, который на чужбинѣ явился передъ вами, какъ посланный свыше, для спасенія и успокоенія вашего и избавленія васъ отъ грозив-

шихъ вамъ непріятностей, — который, наконецъ, и самъ, можетъ—быть, еще впервые встрѣтиль подобное вамъ существо, — словомъ, встрѣча съ такимъ человѣкомъ тронула васъ, настроила душу вашу къ тому чувству, которое, можетъ—быть, давно уже васъ истомляло, не находя себѣ пищи... что жъ мудренаго, если оно теперь увлекло васъ и если вы теперь наконецъ, да наконецъ послѣ столькихъ страданій, послѣ четверти вѣка жизни, послѣ многолѣтней истомы и отчаянія — если вы теперь не могли, да и не хотѣли налагать вязи этому чувству, которое вамъ впервые посулило на дѣлѣ то, что прежде смутно представляли грезы тысяча—одной ночи?

Вы видите, что я уже знаю все, или удачно дополняю своимъ воображеніемъ то, чего не успѣлъ узнать. Словомъ, я знаю довольно, я понимаю васъ и положеніе ваше; узнаю въ васъ все ту же Любовь Ивановну, которая не пугалась прїѣзда алексѣевскаго сосѣда въ Подстойное, — но была поражена прибытіемъ его въ Маріенбадъ. Путь подальше; нельзя было ожи-

дать его сюда, этого сосѣда — такъ; но вѣрьте: и вы тѣ же, и сосѣдъ все тотъ же.

Успокойтесь же: вы въ правѣ были располагать собою, и никто въ мірѣ не можетъ сдѣлать вамъ за это упрека. Вы принадлежали только себѣ и болѣе никому. Если сосѣдъ этотъ и строилъ когда-нибудь воздушные замки — то никто, по-крайней-мѣрѣ ни вы — никто, говорю, не давалъ ему ручательства въ осуществлениіи его бреда. Вы не станете судить строго этого сосѣда, если онъ и обманывалъ самъ себя временно, — какъ, можетъ-быть, и вы нѣкогда обманывались; онъ пробудился отъ обаятельного сна, не ропщетъ на суровую дѣйствительность, а благодарить даже за то, что былъ нѣкогда счастливъ во снѣ, и говорить: если даже избранному суждено жить только воспоминаніями и надеждой, то рядовой можетъ удовольствоваться и одними первыми; онъ еще будетъ въ барышахъ противъ того, кто вѣкъ свой долженъ тѣшиться одною только надеждой, между-тѣмъ, какъ у него все прошлое представляеть залежь, поросшую чертополохомъ...

Вы видите: бывшій и нынѣшній сосѣдъ вашъ мудрецъ... О нѣтъ, не шутите такъ! онъ ребенокъ, но онъ по—крайней—мѣрѣ въ состояніи написать вамъ то, что вы теперь читаете, и рука его, кажется, не дрожитъ...

И такъ, одно конечно, — вы въ свое мѣсто правѣ и обязаны отчетомъ въ томъ, что вы дѣлаете, самой—себѣ, болѣе никому. Теперь два слова о другомъ: о насущномъ.

Вашъ мужъ, какъ ученый, привязанный къ родинѣ своей званіемъ и мѣстомъ, которое занимаетъ и которое его содержить — уже по одной этой причинѣ въ Кострому не поѣдетъ. Вы знаете также, что все опять тотъ же сосѣдъ, лишилъ васъ всего вашего достоянія, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, чтобы присоединить его, по сосѣдству, къ своему. Вы, сверхъ—того, конечно, знаете и то, что собственно ваше имѣнице, еслибъ оно и уцѣлѣло для васъ, по незначительности своей, не могло бы содержать васъ съ семействомъ. И такъ, если еще ко всему этому вспомнить, что «жена да послѣдуетъ мужу», то позволено заключить,

что Кострома варь болѣе не увидить. Этому такъ и быть должно — по многимъ причинамъ, и потому позвольте мнѣ считать это рѣшеннымъ: въ такомъ случаѣ, вы будете исправно получать небольшіе доходы съ вашей вотчины, гдѣ бы вы ни находились, а дѣти ваши... о дѣтяхъ вашихъ забудьте, какъ обо всемъ прошедшемъ: они мои дѣти — дѣти мои будутъ воспитаны, пристроены и обеспечены, со-временемъ, всѣмъ достояніемъ названнаго отца ихъ.

Вотъ, кажется, все... Рука не повинуется, не пишетъ прощанія на вѣкъ, хотя голова и освоилась уже съ мыслю, что этому быть такъ, а не иначе... Отвѣтъ вашъ я получу въ Алексѣевкѣ: напишите мнѣ нѣсколько строкъ: это меня укрепить и успокоить; благословите заочно, на добрыя дѣла...»

— Ради Бога, воскликнула Любаша, обливаясь слезами: — ради Бога, другъ мой, отъищи этого человѣка! О, онъ жестокъ, даже своимъ великодушіемъ — я его должна, должна видѣть!...

На свѣтло-голубыхъ глазахъ датчанина навернулись слезы; онъ крѣпко обняль подругу свою и, схвативъ шляпу, снова пустился на поискъ. Долго бѣгалъ и спрашивалъ онъ безуспѣшно — какъ ему вздумалось воротиться опять домой и разспросить еще разъ хорошенько хозяевъ своихъ, которые приняли отъ крестьянина письмо. Здѣсь онъ узналь, что крестьянинъ, подавшій письмо это, по всей вѣроятности былъ изъ селенія Аушовицъ. Съ этимъ свѣдѣніемъ, датчанинъ поспѣшиль наверхъ, изъявляя Любашѣ готовность свою ѿхать въ селеніе это сейчасъ же, въ надеждѣ отыскать тамъ бѣглеца. Она обняла друга своего за добрую вѣсть, но не хотѣла и слышать, чтобы ему ѿхать сперва одному, на развѣдку. — И я съ тобой, и я съ тобой! говорила она, и уже хваталась рукой за салопъ и шляпку. Черезъ полчаса они катились по направленію къ горамъ, среди обмершей, но все еще прекрасной природы.

Недолго искали они въ Аушовицѣ, какъ имъ указали на небольшой крестьянскій домикъ,

сказавъ, что тамъ на—дняхъ остановился пріѣзжій изъ Маріенбада и притомъ иностранецъ. Чета наша подъѣхала къ крылечку этого дома; сердце Любаши забилось такъ, что она съ трудомъ переводила духъ, и, входя въ сѣнцы, опиралась на своего друга; онъ растворилъ дверь, чтобы спросить хозяина, и Павель Алексѣевичъ стоялъ передъ ними.

Любаша бросилась съ громкимъ воскликаніемъ ему на шею:

— О, какіе вы! сказала она, опомнившись нѣсколько и успокоившись: — о, вы жестоки!

— Этого я не хотѣлъ, отвѣчаль онъ, собравшись съ силами: — нѣть, не вините меня въ этомъ, Любовь Ивановна...

— Нѣть, нѣть, не виню, продолжала она: — мнѣ васъ винить?... нѣть! это было только такъ сказано, чтобы облегчить сердце... Но вы все—таки жестоки! Оставить меня цѣлую недѣлю среди этой пытки... И вы меня прощаете? и вы можете меня простить?

— Отъ всей души и чистаго сердца прощаю, если вы только полагаете, что въ чемъ—нибудь

противъ меня виноваты, чего я однакоже не знаю. Я высказалъ вамъ въ письмѣ все.

— Все, и отъ искренняго сердца?

— Все, и отъ искренняго сердца. У меня нѣть на душѣ болѣе ничего. Я бы могъ только развѣ, для полноты покаянія, прибавить къ этому, что хотѣлъ—было попенять вамъ, для че-
го вы не увѣдомили меня о томъ, что сдѣлалось; но я разсудилъ тутъ же, что и это было бы глупо; кто мнѣ далъ на это право?

— Такъ обнимитесь же, сказала она, сведя быстро вмѣстѣ обоихъ друзей своихъ и кинув-
шись сама третья въ общія ихъ объятія; —
миръ и любовь навсегда! Благодари его, про-
должала она, обратившись къ мужу: —
благодари за все то, за что нельзя отблагода-
рить никогда...

Они пробесѣдовали вмѣстѣ нѣсколько чи-
совъ; тутъ было пересказано все, какъ и гдѣ
молодые наши встрѣтились, по какому случаю
познакомились, какія услуги онъ ей оказывалъ,
какъ заботливо ухаживалъ за больною, отыскавъ
ее брошенную безъ призрѣнія и помощи,

какъ она узнала въ немъ того человѣка, безъ котораго не могла жить, и какъ онъ очутился точно въ томъ же положеніи, и проч. Любаша объяснила также и послѣднее недоумѣніе Игриваго: она дѣйствительно была уже обвѣнчана съ датчаниномъ, но по какому-то ложному стыду долго не рѣшалась писать объ этомъ Павлу Алексѣевичу и наконецъ писала подробно, нѣсколько дней передъ его прїездомъ, почему онъ и разъѣхался съ письмомъ. Когда зашла рѣчь о дѣтяхъ Любashi, то она, со слезами на глазахъ, схватила руку его и хотѣла—было ее поцѣловать. Игривый узналъ въ датчанинѣ, какъ и полагаль по слухамъ, человѣка съ большими достоинствами и съ чувствомъ.

Наконецъ, должно было разстаться: не надѣясь болѣе на силы свои, Павель Алексѣевичъ не рѣшился на этотъ подвигъ; онъ обѣщаль еще навѣстить друзей до отъѣзда своего, съ твердымъ намѣреніемъ не исполнять этого, обняль еще разъ обоихъ и, не смотря на общія восклицанія: «до свиданія», онъ ихъ не видаль болѣе. Онъ выѣхалъ рано на другой

день и гналь безостановочно до самой Алексѣевки.

Пріѣхавъ домой, онъ долго обнималъ дѣтей, которыя повисли у него на шеѣ, а за тѣмъ и Машу, благодаря ее за материнское обѣй нихъ попеченіе. «Дасть Богъ, скоро увидишь свою барыню», сказаль онъ ей: «она хотѣла быть сюда на тотъ годъ съ мужемъ, за Анютой. Ваня остается у насъ.»

Маша была въ одно и тоже время такъ обрадована предстоящимъ ей свиданіемъ съ Любашей и опечалена скорой утратой своей Анюты, что не могла ни печалиться, ни радоваться, а со свойственною ей кротостью безропотно предалась судьбѣ своей. Но ей долго еще не пришлось разстаться съ своей воспитанницей: въ году много днѣй и часовъ — и черезъ годъ многое перемѣнилось. Черезъ годъ Павель Алексѣевичъ получилъ заграничное письмо съ черною печатью; въ письмѣ этомъ мужъ Любashi — къ—сожалѣнію, ужъ не на шутку — увѣдомлялъ его съ отчаяннымъ сокрушеніемъ, что лишился своей подруги послѣ непродолжи-

тельной болѣзни. Человѣкъ твердѣеть постепенно, мужаясь противъ непрестанныхъ ударовъ рока, и подъ—конецъ нѣть уже такого удара, который бы могъ сокрушить его. Игривый, не унывая, продолжалъ начатое благое дѣло и кончилъ воспитаніе Любашиныхъ дѣтей. Ваня хотѣлъ идти въ военную службу; Игривый предоставилъ ему въ этомъ отношеніи полную свободу, но съ тѣмъ только условіемъ, чтобы онъ напередъ чему—нибудь путному научился, а потому и требовалъ, чтобы онъ кончилъ прежде курсъ въ университетѣ. Ваня исполнилъ это добросовѣстно и пошелъ въ гусары.

Анюта росла и выросла дома, и надобно признаться, что только развѣ такой матушкѣ, какова была Кондратьевна, т. е. Маша, при такомъ названномъ отцѣ, каковъ былъ Павель Алексѣевичъ, можно выростить и выхолить, безъ матери и безъ посторонней помощи, такую дѣвшку, какою выдалась Анюта. При достоинствахъ ея и общеизвѣстности богатаго приданаго, которымъ Павель Алексѣевичъ ее надѣляль, можно бы приоровить къ ней и къ толпѣ же-

ниховъ ея сказку о Сивкѣ-Буркѣ или о Несмѣянѣ-Царевнѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ Алексѣвкѣ три-четыре года сряду не было отбоя отъ жениховъ: такъ падки были и въ то время уже костромитяне на пригожихъ, умныхъ и богатыхъ невѣсть. Наконецъ Анютинъ чась удариль, и дѣло состоялось: судьба въ этомъ отношеніи была къ ней несравненно-милосерндѣе, чѣмъ къ бѣдной ея матери: Анютинъ мужъ былъ человѣкъ достойный. Въ числѣ приготовленій къ свадѣбѣ, Игривый между-прочимъ выкрасиль старинные, нѣкогда голубые, а потомъ бѣлые стулья свои подъ красное дерево. Отпраздновавъ же свадѣбу, обнявъ и окропивъ родительскими слезами свою названную дочь, Павель Алексѣевичъ опять остался въ берлогѣ своей одинъ, и сталъ по-прежнему трудиться для другихъ, хожайничать и копить для своихъ названныхъ дѣтей.

Объ эту-то пору, Павель Алексѣевичъ жиль въ Алексѣвкѣ истиннымъ партріархомъ, среди крестьянъ своихъ и сосѣдей, жиль домосѣдомъ, заботясь только о своемъ хозяйствѣ, да

потѣшаясь по длиннымъ вечерамъ доморощен-
нымъ сказочникомъ и наемнымъ понукалкой; а
истиннымъ праздникомъ для него быль тотъ
день, который приносиль ему письмо, —
потому—что письмо это навѣрное было отъ Ва-
ни, либо отъ Анюты: другой переписки въ
Алексѣевкѣ не производилось. Тогда призывал-
ся вѣрный Иванъ, который служилъ Игривому
уже тридцать лѣтъ, и призывалась мамушка
Кондратьевна, бывшая солдатка Маша — и
письма перечитывались по нѣскольку разъ; въ
такой вечеръ и сказочникъ и понукалка уволь-
нялись.

Дошедъ, наконецъ, въ разсказѣ нашемъ до
того отдела жизни Игриваго, въ которомъ мы
изобразили его при самомъ началѣ повѣсти, мы
можемъ повторить: не бываетъ ли иногда на-
ружность обманчива, и — какъ знать, что че-
ловѣкъ передумалъ, перечувствовалъ на вѣку
своемъ, прежде, чѣмъ онъ сдѣлался тѣмъ чуда-
комъ, какимъ мы его узнали?

Въ другомъ мѣстѣ и при другихъ данныххъ,
Игривый, вѣроятно, сдѣлался бы человѣкомъ

болѣе—замѣчательнымъ, или вѣрнѣе, болѣе—
замѣченнымъ; вы, можетъ—быть, убѣдились, что
у него достало бы на это и чувства и ума; на-
противъ, при тѣхъ обстоятельствахъ, которыя
его окружали, онъ одичалъ немного и огрубѣлъ;
онъ даже бѣгалъ отъ выборовъ и по чудачеству
своему не хотѣлъ идти ни въ депутаты, ни въ
какъ—бишь ихъ еще... но, безспорно,
сдѣлавшись чудакомъ, онъ остался однакоже въ
маломъ кругу своеемъ полезнымъ и примѣрнымъ
по благородству человѣкомъ и примѣрнымъ от-
цомъ чужаго семейства.

В.ДАЛЬ